

Мир

переводчика

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией доцента канд. филологических
наук Л. С. БАРХУДАРОВА*

Издательство
Института международных отношений
Москва 1963

Ученые записки № 1

Редакционная коллегия:

**Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, А. В. Кунин (отв. ред.),
В. И. Тархов, Г. Я. Туровер, М. Я. Цвиллинг**

Сборник издается на общественных началах

О Т Р Е Д А К Ц И И

Трудно переоценить ту роль, которую в политической, научной и культурной жизни играет перевод — будь то перевод письменный или устный, с иностранного языка на русский или с русского на иностранный, художественный, публицистический, научно-технический и т. д. И давно уже назрела необходимость обсудить в печати насущные вопросы теории и практики перевода, которые волнуют не только многочисленную армию советских переводчиков, но вызывают все возрастающий интерес и со стороны широких кругов читателей.

Данный сборник статей является как бы продолжением «Тетрадей переводчика», выпускавшихся кафедрой перевода 1-го МГПИИЯ с 1958 по 1962 год, и ставит своей задачей отразить живую «творческую лабораторию» переводческой мысли, предоставить возможность для постановки и обсуждения злободневных вопросов повседневной практики перевода, для методических и практических советов, критических замечаний, дискуссионных высказываний по тем или иным вопросам перевода, наконец, для переводческих опытов, предложений по различным вариантам перевода того или иного текста. В связи с этим публикуемые в сборнике материалы ни в коей мере не претендуют на то, чтобы их считали законченными исследованиями; это скорее заметки, наброски по отдельным актуальным и интересным вопросам теории и практики перевода.

Здесь могут быть различные соображения по переводу тех или иных конструкций, лексических единиц и т. д., предложения по отдельным проблемам методики препода-

вания перевода, критические замечания в адрес существующих переводов художественной, политической и другой литературы, практические советы начинающим переводчикам, опыт работы устного переводчика, переводческие курьезы и, наконец, сами переводы отдельных небольших произведений (стихотворений, отрывков прозы и т. д.) с комментариями. Материалы, публикуемые в настоящем сборнике, дают об этом более конкретное представление.

Поскольку «Тетради переводчика» МГПИИЯ издавались стеклографическим способом и небольшим тиражом, первый выпуск настоящего сборника включает наиболее интересные материалы, опубликованные в «Тетрадах переводчика», с тем чтобы ознакомить с ними более широкий круг лиц, интересующихся вопросами перевода. Помимо этого сборник включает и ряд материалов, публикуемых впервые, например статьи Я. Рецкера, А. Фитерман, И. Бородянского, А. Швейцера, Е. Гофмана и некоторые другие.

Материалы для публикации в сборнике, отпечатанные на машинке в двух экземплярах, просим присылать по адресу: Москва, Метростроевская ул., д. 38, 1-й МГПИИЯ, кафедра перевода.

Материалы могут быть написаны на русском и иностранных языках.

I. Вопросы теории и истории перевода

А. Швейцер
(Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

За последнее время значительно повысился интерес к переводу как к лингвистической дисциплине. В печати появилось немало работ, посвященных сопоставительному изучению языков. На основе проводимых ими сопоставлений авторы этих работ делают общие выводы, представляющие несомненную ценность для переводчика в его практической работе. И в то же время вопрос о лингвистических основах теории перевода разработан далеко не удовлетворительно. До сих пор отсутствует полная ясность по таким кардинальным вопросам, как предмет теории перевода, научный метод этой дисциплины и ее место среди других отраслей лингвистической науки.

В свое время высказывалось мнение о том, что, поскольку практика перевода пользуется данными многих наук, она не может иметь собственной теории¹. Такая точка зрения, естественно, не вызвала сочувствия у теоретиков перевода. И в самом деле, тот факт, что та или иная дисциплина использует данные смежных наук, еще не опровергает правомерности ее существования. В настоящее время едва ли можно назвать хоть одну дисциплину, ко-

¹ См. А. А. Реформатский, Лингвистические вопросы перевода, «Иностранные языки в школе», 1952 г., № 6.

торая не привлекала бы данных других наук. И в то же время вопрос о праве их на самостоятельное существование не возникает. Причина этого кроется прежде всего в том, что все эти науки имеют свой ясно очерченный объект исследования.

Сторонники лингвистической теории перевода утверждают, что такой объект имеется и у их дисциплины — им является «закономерность в соотношении двух языков» (А. В. Федоров) или «закономерные соответствия» (Я. И. Рецкер). Такая формулировка представляется нам слишком общей и недостаточно определенной. Необходимо указать, о каких именно закономерностях или закономерных соответствиях идет речь. Ведь и курс сопоставительной грамматики строится на выведении каких-то закономерных соответствий между грамматическими строями разных языков. В целом ряде учебников и теоретических курсов английской грамматики, рассчитанных на иностранцев, можно найти более или менее систематические сопоставления между грамматическими явлениями иностранного и родного языка. Сопоставления между фонематическими системами разных языков можно найти и в теоретических курсах фонетики². Следовательно, необходимо как-то отграничить предмет исследования лингвистической теории перевода от других дисциплин.

Этот вопрос имеет и чисто практическое значение, поскольку отсутствие четкого представления об объекте исследования приводит к тому, что учебники и пособия по переводу в значительной мере (а иногда и полностью) дублируют другие дисциплины. Так, например, в недавно вышедшем пособии П. В. Аристова «Основы перевода» мы находим изложение нормативного курса английской грамматики. Единственным отличием этого пособия от обычных грамматических учебников является, пожалуй, то, что приводимые в нем английские примеры снабжаются переводом на русский язык. К сожалению, подобным недостатком страдают и многие теоретические курсы перевода, в которых нередко повторяются общие положения, известные студенту из курсов грамматики, лексикологии и стилистики. Но даже в тех случаях, когда авторы курсов проводят систематические сопоставления между двумя языками в области грамматики, лексики и стилистики, оста-

² См. Г. П. Т о р с у е в, Фонетика английского языка, ИЛ, 1950.

ся неясным, в чем же собственно специфика языковой теории перевода. Будет ли эта теория считаться разработанной, если будут созданы сопоставительные курсы грамматики, лексикологии и стилистики? Нам кажется, что для ответа на этот вопрос следует в первую очередь выяснить те принципиальные отличия, которые существуют или, по крайней мере, должны существовать между сопоставлениями, проводимыми в переводе, и теми, которые проводятся в грамматике, лексике и других отраслях лингвистической науки. Постараемся отграничить область переводческого исследования на примере сопоставления грамматических конструкций.

Сопоставляя строй английского предложения со структурой в русском языке, грамматист отмечает, что английскому предложению присущ более фиксированный порядок слов. В русском языке порядок слов более гибкий. Отсюда переводчик делает практический вывод о том, что для передачи некоторых значений, выражаемых в русском языке порядком слов, в английском языке приходится прибегать к другим грамматическим средствам (артикли, предваряющее *it* и др.):

В комнату вошел пожилой человек.

An old man entered the room.

Первый спутник запустил Советский Союз.

It was the Soviet Union that launched the first sputnik.

Таким образом, из сопоставительной грамматики переводчик может сделать для себя ряд интересных выводов, которые могут быть использованы в практике перевода. Однако достаточно ли этих наблюдений для перевода? Приведем в качестве примера два предложения:

The split in the Democratic Party elected Lincoln.

The letter added that the Committee was prepared to discuss the proposals at a later date.

Очевидно, их нельзя перевести на русский язык, сохраняя ту же структуру предложения («раскол... избрал Линкольна», «письмо добавило...»). Однако для грамматиста между такими предложениями, как „The split... elected Lincoln“ и „The people elected Lincoln“, нет принципиальной разницы. Ведь грамматика рассматривает определенные структурные типы предложений в отвлечении от лек-

сического значения входящих в их состав слов. Поэтому и сопоставления между разными языками грамматика проводит лишь с точки зрения грамматических значений, то есть значений, закрепленных в определенных грамматических формах. А с этой точки зрения между предложениями „The people elected Lincoln“ и „The split elected Lincoln“ действительно нет разницы.

Но если грамматика выводит общие, категориальные значения, абстрагируясь от вещественного значения слов и устойчивых словосочетаний, то теория перевода должна рассматривать и то и другое в неразрывной связи. Ведь переводчик всегда имеет дело с конкретными предложениями, в которых лексическое и грамматическое тесно переплетаются, образуя сложное единое целое. Вместе с тем, как известно, соотношения между тем и другим в разных языках существенно отличаются. Когда мы говорим, что по-английски можно сказать „The split elected Lincoln“, а по-русски нельзя сказать «Раскол избрал Линкольна», то фактически имеем в виду, что в данном случае структура предложения определяется особенностями лексико-семантической сочетаемости слов в английском и русском языках.

В английском языке существительное *split* вполне может быть подлежащим при глаголе-сказуемом *elected*. В русском языке использование соответствующих слов в качестве подлежащего и сказуемого невозможно ввиду их семантической несочетаемости. Поэтому мы переводим первое предложение «Линкольн был избран благодаря расколу в демократической партии», а второе — «Кроме того, в письме было указано, что комитет готов в дальнейшем обсудить предложения». Отсюда мы делаем вывод, что одни и те же лексико-семантические отношения в английском языке передаются конструкцией *подлежащее + сказуемое*, а в русском — *сказуемое + обстоятельство*. Учет этой закономерности весьма важен для переводчика и необязателен для грамматиста, который, как мы отмечали выше, проводит сопоставления между языками в совершенно иной плоскости.

Приведем еще несколько примеров. Из грамматики переводчику известно, что в русском языке через всю систему глагола проходит четкое деление на формы совершенного и несовершенного вида — деление, чуждое английскому язы-

ку. Однако этих сведений еще недостаточно для перевода. Так, русская неличная форма глагола — деепричастие может выражать совершенное и несовершенное действие. Но в то же время она может означать и действие однократное или многократное. Значения однократности и многократности несущественны для грамматиста, поскольку они не облакаются в соответствующую систему форм, — иными словами, это значения не грамматические, а вытекающие из контекста. Рассмотрим следующие предложения:

«Да, ты настоящий актер!» — сказал он, подмигнув.

Для грамматиста деепричастие «подмигнув» выражает лишь видовое значение совершенности; что касается значения однократности, то оно не имеет грамматического выражения и поэтому в расчет не принимается. В то же время для переводчика важно, что это значение однократного сопутствующего действия в английском языке может быть передано при помощи оборота с предлогом *with* и существительного с неопределенным артиклем:

„But you are a real actor!“ he said with a wink.

Такие конструкции нередко встречаются в английском языке, главным образом с существительными, означающими жесты, мимику, различные выражения эмоций (*with a wink, with a sigh, with a shrug, with a grin, with a smile*).

В русском языке в аналогичных случаях используются деепричастия совершенного вида (подмигнув, вздохнув, пожав плечами, усмехнувшись, улыбнувшись).

Приведем несколько примеров из «Героя нашего времени» (перевод на английский язык М. Паркера):

— Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.	„You are a strange man!“ she said presently with a constrained smile, raising her velvety eyes to me.
— Ну, нечего делать! ...в другой раз! — сказал он, засмеявшись...	„Oh, I see! Another time, then!“ he said, with a laugh...
Чтоб ее совершенно разубедить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь...	To reassure her I replied in French, with a slight bow.

Не имеет формального выражения и значение результативности. Вместе с тем в определенных лексико-семантических условиях «результативное значение деепричастия совершенного вида может превратиться в значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия»³. В этих случаях смысловые отношения, передаваемые в русском языке оборотом *деепричастие* совершенного вида + *существительное* в функции дополнения, в английском языке выражаются абсолютной конструкцией *существительное* (субъект конструкции) + *причастие II* или *существительное* + *предложный оборот*, а также аналогичными оборотами с предлогом *with*, например:

Бэла сидела на лежанке,
повесив голову на грудь.

Он сложил руки прохаживался угрюмый взад и вперед.

Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер вошел в мою комнату.

Я остановился, взявшись за ручку двери.

Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени.

Bela was seated on a bench,
her head bowed.

He was gloomily pacing up
and down with arms folded.

I was lying on a divan, my
eyes fixed upon the ceiling and my hands behind my head when Werner walked into my room.

I paused, my hand on the
door knob.

She was seated on a thick
log, her elbows on her knees.

Нетрудно заметить, что во всех этих конструкциях используется однотипный лексический материал. По своему содержанию — это описания различных поз и положений, принимаемых субъектом действия глагола-сказуемого.

Таким образом, для выбора варианта при переводе грамматических конструкций необходимо знать не только их грамматическое содержание, но и те значения, которые обуславливаются используемой в них лексикой. На примере с деепричастием совершенного вида мы видели, что характер

³ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 187.

используемого лексического материала оказывает существенное влияние на способ перевода деепричастного оборота на английский язык.

Подведем итоги сказанному выше. Если грамматика, сопоставляя различные конструкции, отвлекается от лексических значений входящих в их состав слов, то теория перевода рассматривает и то и другое в тесном и неразрывном единстве. Это и понятно. Ведь для грамматиста прежде всего важно установить наличие или отсутствие в сопоставляемых языках тех или иных грамматических категорий, а также сходство и отличие присущих им систем форм и выражаемых ими значений. Для переводчика эти данные сопоставительной грамматики лишь отправной материал. Поскольку значение и диапазон использования грамматических форм и конструкций отличаются от языка к языку, то, как мы видели из приведенных выше примеров, некоторые смысловые оттенки, привносимые в языке оригинала лишь контекстом, в языке перевода могут выражаться с помощью различных форм и конструкций.

Кроме того, если в одном языке возможности использования данной конструкции ограничены лексико-семантической сочетаемостью слов, то в другом языке этих ограничений может и не быть. Поэтому теория перевода фактически сопоставляет не грамматические формы, как таковые, а наиболее типичные контексты, в которых грамматические и лексические значения тесно переплетаются. Переводчику не следует опасаться обвинений в смешении лексики и грамматики. Именно в том и заключается специфика перевода, что в нем лексическое и грамматическое должно рассматриваться в неразрывном единстве, то есть так, как это дано в реальных контекстах. Ведь по сути результативность и однократность, о которых мы говорили выше, это не грамматические понятия, а значения, возникающие у данной конструкции на основе определенных, присущих ей типовых контекстов.

Иногда в курсах перевода указывается, что та или иная грамматическая конструкция может быть переведена несколькими способами в зависимости от контекста. Но таким образом не раскрывается то, что, на наш взгляд, является самым главным и основным в переводе — принципы выбора варианта в зависимости от контекста, то есть от того лексико-семантического окружения, в котором встречается

данная конструкция. Задача переводчика всегда носит комплексный характер, а поэтому и теория перевода должна рассматривать все средства передачи смыслового содержания подлинника — грамматические и лексические — комплексно. Метод комплексного рассмотрения различных языковых средств должен найти свое отражение и в теории перевода, и в практике его преподавания.

А. Фитерман
(Москва)

СУМАРОКОВ-ПЕРЕВОДЧИК И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА

Литературная деятельность Сумарокова была чрезвычайно разнообразной. Он был драматургом, поэтом, теоретиком, критиком, публицистом и переводчиком. Его теоретические работы посвящены главным образом теории литературы («Эпистола о стихотворстве»), проблемам русского устного и письменного литературного языка и вопросам перевода. Нельзя говорить о Сумарокове-переводчике и о высказываниях Сумарокова по вопросам теории перевода, не остановившись на той роли, которую он играл в становлении русского литературного языка. Недаром Г. В. Плеханов пишет о нем: «Большой заслугой Сумарокова перед русской литературой является твердое и настойчиво высказывающееся убеждение в том, что

Прекрасный наш язык способен ко всему.

В течение всей своей литературной деятельности он неизменно хранил это убеждение и, как умел, заботился о чистоте русского языка»⁴.

Эта борьба за русский литературный язык, против «порчи языка» велась Сумароковым по двум направлениям. Он в равной мере боролся с «подъячими», которые пользовались канцелярскими и церковнославянскими словами и оборотами, и с галломанами, которые засоряли русскую речь французскими словами:

⁴ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, Госиздат, 1925, стр. 2.

Французским словом он в речь русскую плывет,
Солому пальею, обжеком вид зовет.

(Сатира «О французском языке»)⁵.

В борьбе против «порчи языка» Сумароков пользовался всеми средствами: писал сатиры, комедии, басни, в которых высмеивал тех,

Кто русско золото французской медью метит,
Ругает свой язык и по-французски бредит⁶.

Кроме обличительных произведений Сумароков написал и ряд теоретических, в которых он всячески ратовал за чистоту русского языка. Его статья «О истреблении чужих слов из русского языка» была напечатана в журнале «Трудовая Пчела» в 1759 году. «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, а порча языка»⁷, — утверждал он.

Конечно, Сумароков не всегда понимал значение так называемой международной лексики, то есть научно-технических, политических и культурных терминов, а также слов, обозначающих новые понятия повседневной жизни. Особенно он восставал против заимствования таких слов, которые ему казались синонимами коренных русских слов и в которых он не видел новых оттенков значения. Зачем вводить слова 'суп' и 'соус', если в русском языке есть слова 'похлебка' и 'поливка'. «На что же нам вводить чужие слова?.. Чужие слова всегда странны будут, и знаменования их не так изъяснительны и следственно введут слабость и безобразие в сильный и прекрасный язык наш. А то еще и страннее, когда мы то называем или еще и пишем чужестранными словами, чему у нас есть точные свои названия...», — писал он («О коренных русских словах»)⁸.

Проникновение иностранных слов в русский язык в XVIII веке шло не только путем непосредственного заимствования вместе с предметами быта, но и через переводы. Переводы, как известно, были главными каналами, через которые проникали новые понятия вместе со словами, их называющими. Поэтому Сумароков грозно обрушивался на переводы и переводчиков, видя в них весь корень зла. Характеризуя одну из переводных книг по истории, он го-

⁵ А. П. Сумароков, Избранные произведения, Л., 1957 стр. 192.

⁶ Там же.

⁷ А. П. Сумароков, Соч., ч. IX, М., 1787, стр. 245.

⁸ А. П. Сумароков, Соч., ч. X, СПб., 1841, стр. 27.

ворит: «Обогащается общество переводными книгами; но сии книги в потомстве почти все исчезнут, и веку нашему славы они не принесут; лучше бы никогда не просвещати, незнающих чужих языков, Ролленовой историей, нежели его срамить язык и склад наш»⁹. В другом месте он пишет о том же переводе: «Древняя история неоцененного Роллена доставляет читателю, незнающему иностранных языков, некоторые сведения, а язык наш заражает как моровая язва»¹⁰.

Очевидно, Сумароков также считал, что переводы являются помехой развитию отечественной литературы. Правда, не следует забывать, что приведенные высказывания направлены против Тредиаковского, переводчика «Всемирной истории» Роллена и литературного противника Сумарокова и поэтому не могут считаться совсем беспристрастными. Тем не менее они выражают отношение Сумарокова к переводам и переводной литературе. Намного прогрессивнее была точка зрения Тредиаковского, который писал: «И так, да переводят, которые цветут из наших искусством языков, все, что презряднейшее, все, что полезнейшее, все, что достойнейшее в чужих языках на наш Российский язык»¹¹.

Однако общие тенденции эпохи не могли не коснуться Сумарокова, и он, как и многие его современники, затронул ряд вопросов теории перевода. Основное его требование к переводчику — это требование хорошего знания обоих языков — как иностранного, так и родного, русского: «...сильну быть в италианском языке.., а сверх того... так надобно твердо быть и в русском языке.., а с наслышки и привычки по-русски уметь не можно» («О критике») ¹². Переводчик должен быть образован, необразованному человеку нечего и браться за переводы:

А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким¹³.

Это требование имело большое значение в середине XVIII века, когда было очень много переводчиков-дилетантов. Так, офицеры гвардии, более или менее знающие иностранные языки, снабжали и театр и Московский универ-

⁹ А. П. Сумароков, Соч., ч. X, СПб., 1841, стр. 41.

¹⁰ А. П. Сумароков, Соч., ч. II, 1841, стр. 210.

¹¹ В. К. Тредиаковский, Соч., т. III. СПб., 1849, стр. 584.

¹² А. П. Сумароков, Соч., ч. X, 1841, стр. 156.

¹³ А. П. Сумароков, Избранные произведения, стр. 117.

ситет своими переводами иностранных пьес. Эти переводы далеко не отличались литературными достоинствами.

Переводчик, по мысли Сумарокова, ни в коем случае не должен прибегать к заимствованиям. Всякое иностранное понятие должно быть передано русским словом (очевидно, при помощи так называемого семантического приноравливания). Он резко критикует переводчиков за то, что они «сорили французскими словами по данной от них росписи, написанной Российскими буквами, без перевода, ибо дерекое французское слово на Российский язык перевести удобно»¹⁴. В этой критике проявляется, с одной стороны, страстная любовь Сумарокова к родному слову, а с другой — непонимание того факта, что новые вещи и понятия далеко не всегда могли быть названы русскими словами. Поэтому он и насмехается над теми переводчиками, которые хорошо понимали необходимость в заимствованиях из иностранных языков.

Сумароков резко высказывался против буквального перевода. Он понимал недопустимость лексического и синтаксического копирования, поскольку каждый язык имеет свои национальные особенности:

Имеет в слоге всяк различие народ
Что очень хорошо на языке французском.
То может в точности быть скаречно на русском.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся¹⁵.

Сумароков считал, что переводчик не должен слепо следовать синтаксическому построению оригинала. Русский порядок слов, синтаксическое построение предложения играют, по его мнению, огромную роль в переводе. Одного знания слов иностранного языка далеко не достаточно. Поэтому словарь не может помочь неопытному переводчику; если он слепо будет следовать конструкциям переводимого произведения, результат будет плачевный:

Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе великун он,
Коль речи и слова поставишь без порядка
И будет перевод твой некая загадка.
Которую никто не отгадает ввек;
То даром, что слова все точно ты нарек¹⁶.

¹⁴ А. П. Сумароков, О новой философической секте, Соч., ч. X, 1841, стр. 128.

¹⁵ А. П. Сумароков, Избранные произведения, стр. 114.

¹⁶ Там же,

Цель перевода — это передача всех особенностей произведения, его духа, его выразительности, то есть особенностей его формы:

Когда переводить захочешь беспорочно,
Творцов мне дух яви и силу точно¹⁷.

Перевод — это творческая деятельность, которая требует тщательного выбора слов, а также конструкций и форм:

Не мни перевода, что склад в творце готов,
Творец дарует мысль, но не дарует слов¹⁸.

Под творцом Сумароков имеет в виду автора оригинального произведения.

Таким образом, как всякий русский писатель XVIII века, Сумароков занимался вопросами теории перевода и отвел им немалое место в своей Эпистоле I (О русском языке). Это, конечно, не случайно, ибо развитие русского литературного языка того времени было тесно связано с переводами.

Он не был чужд и практике перевода. Здесь мы особенно остановимся на переводе «Гамлета». В 1745 году Сумароков напечатал свой перевод «Гамлета» в стихах. Это был первый перевод Шекспира на русский язык, хотя «Гамлет» в его переложении мало походил на самого себя.

В Эпистоле II (о стихотворстве) среди великих писателей Сумароков упоминает Шекспира, хотя его отношение к Шекспиру характерно для классициста. Он пишет: «Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный». В примечаниях к Эпистоле, целью которых было разъяснить русскому читателю ряд понятий, ему неизвестных, и дать представление о тех писателях, которые в ней упоминаются, Сумароков следующим образом пишет о Шекспире:

«Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень худого и чрезвычайно хорошего очень много»¹⁹.

Сумароков впервые познакомил русское общество с Шекспиром, но перевод его имеет все характерные особенности переводов эпохи классицизма. Это — перевод-переделка. Правда, Сумароков старался придать своему переводу ту мрачность, которая, по его мнению, соответствовала содержанию трагедии, но все-таки он дает очень отдаленное представление о трагедии Шекспира. В пьесу введено много дополнительных персонажей. Согласно ус-

¹⁷ А. П. Сумароков, Избранные произведения, стр. 114.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 129.

ловности трагедии классицизма, у каждого действующего лица есть наперсник или наперсница, а у Офелии даже мамка. Полоний вводится как «наперсник Клавдиев». Конец трагедии счастливый — Полоний и Клавдий умирают, а Гамлет и Офелия живы. В заключение Офелия говорит Гамлету:

Ступай мой князь во храм; яви себя в народе,
А я пойду отдать последний долг природе! (т. е. плакать
над Полонием. —
А. Ф.)

Соответственно своим взглядам на Шекспира, Сумароков делает попытку «просветить» его, то есть подчинить канонам классицизма. Фантастический элемент вовсе исключен, ибо, согласно теории классицизма, чудесное есть достояние эпоса, а никак не трагедии. Поэтому явление тени Сумароков заменил рассказом Гамлета своему наперснику Араксу. Появление мертвеца на сцене возмутило бы всех современников. Резкое отделение трагедии от комедии, так же как и от эпоса, потребовало исключения и сцены с могильщиками. Все стилистические особенности этой сцены соответствуют «низкому штилю» — комедии. Она написана прозой, а не белым стихом, диалог могильщиков носит разговорный характер («подлое употребление», по словам Тредиаковского), наконец, сами могильщики (clowns) являются, с точки зрения поэтики классицизма, персонажами комедии. Кроме того, сцена на кладбище нарушала, по мнению классицистов, требования трех единств и композиционную стройность трагедии.

В своем отношении к Шекспиру Сумароков следовал Вольтеру, который писал лорду Болингброку: «Шекспир — творец Английского театра, он обладал гением сильным и обильным, без малейшего знания правил. Скажу вам вещь странную, но истинную: достоинства этого поэта погубили ваш театр»²⁰.

Перевод «Гамлета» вызвал настолько резкую критику современников, особенно Тредиаковского, что Сумарокову пришлось серьезно защищаться. В первую очередь Тредиаковский критиковал Сумарокова за самый метод перевода. «„Гамлет“, как очевидные сказывают свидетели, переведен был прозою с английские Шекспировы, а с прозы уже сделал ее почтенный автор нашими стихами»²¹.

²⁰ См. А. П. Сумароков, Соч., ч. III, 1841, стр. 93.

²¹ А. Куник, Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в., ч. 4, СПб., 1865, стр. 441.

Сумароков представил «Гамлета» как сочинение оригинальное. Тредиаковский, критикуя своего литературного противника, упрекал его за отсутствие оригинальности. Он считал, что Сумароков перелицовывает и переделывает чужие произведения и никогда не бывает самостоятелен. «...Нет почитай ничего в сочинениях Авторových, которое не было б чужое... (как) Гамлет Шекспиров»²². Этот отзыв сильно уязвил Сумарокова, и в ответ он с возмущением пишет о том, как мало общего имеет его трагедия с трагедией Шекспира: «Гамлет мой, говорит он (Тредиаковский. — *Авт.*), не знаю от кого услышав, переведен с французской прозы Английской Шекспировской трагедии, в чем он очень ошибался. Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва, едва походит»²³. Как видно из ответа, Сумароков не понял сущности критики Тредиаковского, который считал недопустимым перевод не с английского оригинала, написанного белым стихом, а с французского перевода в прозе. В XVIII веке английские авторы часто переводились с французских и немецких переводов. Но Тредиаковский, сам переводчик-профессионал, находил это недопустимым.

Тредиаковский глубоко разбирает и самый язык перевода. Возмущение его прежде всего вызывает русская форма иностранных имен: «Офелю, Полоню вместо Офелию, Полонию»²⁴. Критикует он Сумарокова и за использование слов, которые в то время уже находились за пределами литературного языка: «... при том, вводит наш автор в свои сочинения неупотребительные слова: отколе в „Гамлете“»²⁵. Возражает Тредиаковский и против неправильного словопотребления Сумарокова, который использует в трагедии старославянское слово ‘твердь’, но дает ему неправильное толкование. Видимо, благодаря ложной этимологии Сумароков связывает его со значением слова ‘твердый’ в русском языке. Тредиаковский делает по этому поводу такое обоснованное замечание: «К словам, употребленным в ложном же знаменовании от Автора принадлежит и то, что в «Гамлете» в I действии в явлении 2 говорит Гертруда сыну

²² А. К у н и к, Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в., ч. 4, СПб., 1865, стр. 485.

²³ А. П. С у м а р о к о в, Соч., ч. XXI, 1841, стр. 103.

²⁴ А. К у н и к, указ. соч., стр. 450.

²⁵ Т а м ж е, стр. 480.

своему, чтоб он бежал от тех мест, на которых они находились, ибо под ними «твердь трясется». Но кто словенский язык знает, тот совершенно ведаёт, что через слово **твердь** разумеется у нас латинское *firmamentum*, французское *firmament*»²⁶.

Тредиаковский критикует Сумарокова и за использование таких слов или словосочетаний, которые, благодаря нескольким лексическим вариантам своего значения, являются двусмысленными, и приводит следующий пример: «В трагедии «Гамлет» говорит у Автора женщина именем Гертруда, в д. II в яв. 2, что она

И на супружню смерть не тронута взирала.»

Со всей откровенностью эпохи Тредиаковский доказывает неправильность словоупотребления Сумарокова и пишет: «... надлежало бы ему написать такой стих:

И на супружню смерть без жалости взирала.»

Что касается монолога Гамлета из третьего действия, то в русском переводе, действительно, передано только самое содержание монолога. Сумарокова, очевидно, поразила его основная философская мысль о жизни и смерти, сомнения в загробной жизни, так же как и элементы социального протеста, в нем заключенные. К точности он не стремился, делал добавления, а также менял и расположение элементов монолога. Переведен монолог шестистопным рифмованным ямбом. Рифмы парные, как в героическом стихе. Язык монолога очень архаичен:

Отверсть ли гроба дверь и бедствы окончати

Или во свете сем еще претерпевати?

Когда умру: засну, ...засну и буду спать,

Но что за сны сия ночь будет представлять.

Такое отношение к переводимому произведению было в духе эстетики классицизма. Поэтика XVIII века характеризовалась принципом абсолютной ценности искусства. Эта абсолютная ценность существовала вне эпохи, вне языка, вне творческой личности автора. И это стремление к абсолютно прекрасному отражалось и на переводах. Если переводчику казалось, что он может улучшить оригинал, он изменял его.

Эти отклонения от оригинала, которые имели целью его «украсить», так и назывались — «прекрасные неточности».

²⁶ А. К у н и к, Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в., ч. 4, стр. 480—481.

К ИСТОРИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА*

Еще тридцать лет назад все международные конференции использовали неудобный, устаревший способ перевода: речи с трибуны повторялись по три-четыре раза, в зависимости от количества рабочих языков, или же переводчики вынуждены были «нашептывать» на ухо делегатам переводы выступлений на их родной язык. Только в конце 20-х годов начал применяться одновременный перевод выступлений на несколько рабочих языков, так называемый синхронный перевод.

Впервые синхронный перевод был применен в 1928 году в Советском Союзе на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. В журнале «Красная Нива» за этот год можно увидеть переводчиков, сидящих в креслах перед трибуной. На шее у них громоздкое приспособление, поддерживающее микрофон. Телефонов (наушников) нет, звук воспринимается непосредственно с трибуны. На XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала в 1933 году впервые появились специально оборудованные кабины. Переводчики стали получать звук речи оратора через телефоны. Синхронный перевод начал также применяться на международных конгрессах в СССР и за рубежом.

На широкую арену синхронный перевод вышел после второй мировой войны. В 1945 году начались процессы против главных немецких и японских военных преступников в Нюрнберге и Токио. В 1945 году группа советских переводчиков прибыла в Нюрнберг. Когда мы направлялись в этот старинный немецкий город, приковавший в то время внимание миллионов людей всего мира, следивших за работой Международного Военного Трибунала, мы имели очень отдаленное представление о работе, которую нам предстояло выполнять. И вот мы в мрачном сером здании Дворца Юстиции. Видавший виды, дышащий средневековым главным зал выглядит необычно. Слева в два ряда скамьи подсудимых, отгороженные массивной дубовой

* В следующих выпусках редакция предполагает продолжить публикацию статей, посвященных вопросам синхронного перевода.

оградой, справа на возвышении длинный судейский стол, в центре столы защитников и стенографисток. В глубине зала четыре стола обвинения от СССР, США, Англии и Франции, еще дальше места прессы, над которыми навис балкон для немногочисленных гостей. В левом углу обращало на себя внимание странное сооружение из стекла, похожее на соты из четырех ячеек, с чернеющими за стеклом микрофонами. Это и были кабины переводчиков, в которых нам пришлось провести около года.

Синхронные переводчики встретились в своей работе с рядом серьезных трудностей. Во-первых, они были вызваны необычностью обстановки: перевод в наушниках, необходимость координировать речь и слуховое восприятие очередного предложения, перевод реплик председательствующего, прерывавшего выступления... Во-вторых, это были трудности чисто лингвистического порядка: сложная и довольно разветвленная немецкая юридическая терминология и ее эквиваленты в русском языке, знание реалий, связанных с немецким судопроизводством, перевод на слух чрезвычайно сложных периодов из оглашаемых документов. Лишь постепенно накапливался опыт; консультации советских сотрудников Международного Трибунала помогали переводчикам повышать свою квалификацию в области юридической науки.

Задача переводчиков осложнялась и тем, что их перевод стенографировался, и по стенограммам ориентировались представители советского обвинения и пресса.

Как же был организован синхронный перевод на Нюрнбергском процессе? Каждая делегация в Международном Военном Трибунале обеспечивала перевод на свой родной язык. Перевод на немецкий язык делали американские переводчики. В каждой из четырех открытых сверху кабин одновременно сидело по три переводчика, в соответствии с количеством рабочих языков. Так, в нашей кабине сидели переводчики с английского, немецкого и французского языков. На столе кабины, перед стеклом, за которым сразу же начинались скамьи подсудимых, был установлен переносный микрофон, которым завладевал один из переводчиков, в зависимости от того, на каком языке выступал оратор — на английском, немецком или французском. Случалось и так, что за 6 часов работы французскому переводчику ни разу не приходилось произнести ни слова. Зато, когда выступали подсудимые и их защитники, немецким

переводчикам приходилось «жарко». Часто они работали без отдыха всю смену (1½ часа), а когда один из коллег выбывал из строя по болезни, то и две и даже три смены (с перерывом на обед). Смены производились во время перерывов в заседании. Перевод все сидящие в зале слушали через наушники, включившись на соответствующий язык с помощью специального переключателя. Непосвященного человека, входящего в зал, поражал многоголосный гул, доносящийся из кабин.

Советскими переводчиками были молодые выпускники 1-го МГПИИЯ, а также выпускники МГУ, ИФЛИ, сотрудники МИДа и ВОКСа. Совсем по другому принципу были подобраны переводчики других стран, среди которых преобладали американцы. В основном это были люди солидного возраста и с большим переводческим стажем. Значительную часть их составляли эмигранты, прожившие много лет в Англии и США, люди, для которых два или три иностранных языка были в равной мере родными. В роли переводчиков подвизались и белоэмигранты. Некоторые из них долгое время жили во Франции, а затем эмигрировали в США и на процессе переводили с французского на английский и обратно. Эти люди, лишенные родины, разучились и говорить по-русски. Их «русский язык» пестрит большим количеством иностранных слов и архаизмов, из-за сильного акцента иногда даже трудно понять, о чем они говорят. В отличие от наших переводчиков, болевших за свое дело, вкладывавших в работу все свои силы и знания, переживавших за каждое свое выступление, иностранные переводчики работали бесстрастно, без всякого интереса и любви к делу, они зарабатывали доллары. Случалось и так, что оратор, несмотря на сигналы переводчиков, мчался закусив удила; тогда американские переводчики вскакивали, срывали с себя наушники и отказывались работать. Заседание прекращалось, оратору делалось внушение, он просил извинения у переводчиков и продолжал свою речь. Один раз заседания были прерваны на несколько дней из-за того, что иностранные стенографистки объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Требования были частично удовлетворены, и процесс продолжался.

В иностранных делегациях было проведено строгое размежевание в функциях между синхронными и письменными переводчиками. Синхронные переводчики не занимались письменными переводами и не интересовались работой

своих коллег. Наша же маленькая советская колония жила очень дружно. Вечерами, после работы и в перерывах между сменами мы сверяли свои стенограммы с оригиналом, правили их и считывали после перепечатки на машинке, переводили документы и речи, выступали в роли устных переводчиков при переговорах с представителями других делегаций. Так прошел почти год. Процесс закончился, но мы продолжали трудиться сначала в Нюрнберге, а затем в Лейпциге над обработкой стенограмм. Эта работа была завершена лишь в 1947 году.

Прошло пять лет. В Советском Союзе в этот период синхронный перевод не применялся. До нас доходили сообщения о том, что в Организации Объединенных Наций синхронный перевод стал основным видом перевода на всех заседаниях.

И вот синхронные переводчики снова собрались в Доме Союзов, где готовилось Международное экономическое совещание. Среди них было много «новичков», с которыми «ветераны» делились своим опытом. Перед совещанием были организованы специальные тренировки по синхронному переводу; много времени было уделено также специальной терминологии. Для синхронного перевода было оборудовано три зала: Колонный, Октябрьский и Круглый. В Колонном зале проходили пленарные заседания, в двух других работали комиссии. Была мобилизована целая армия переводчиков — около 50 человек. Перевод осуществлялся на русский, английский, французский, немецкий, испанский и китайский языки. В отличие от системы перевода, применявшейся в Нюрнберге, в Москве из каждой кабины, рассчитанной на одного переводчика, можно было переводить как на родной, так и на иностранный язык. Для этого был устроен диспетчерский пункт, с которого производилось переключение в зависимости от того, на каком языке выступал оратор. Переводчик в кабине переводил, как правило, на иностранный язык, и только в том случае, если он получал в телефоны «свой» иностранный язык, он начинал перевод на родной язык. При этой системе перевод с других иностранных языков осуществлялся через русский язык перевода. Это в известной степени отражалось на качестве и скорости перевода на другие языки, зато немного снижало количество одновременно занятых переводчиков. Кроме того, при такой системе обычно имеется одна запасная кабина для пере-

вода выступлений на других иностранных языках, не входящих в число рабочих. Работа на Международном экономическом совещании в Москве послужила хорошей школой для большого числа советских переводчиков, так как кроме синхронных переводчиков на совещании работало много «письменных» переводчиков и переводчиков при делегациях. Основное ядро синхронных переводчиков, работавших на конференции, впоследствии стало регулярно привлекаться для работы на всех крупных всесоюзных и международных конференциях и съездах, проводившихся в СССР.

Вскоре после Международного экономического совещания состоялся XIX съезд КПСС, на котором впервые был введен синхронный перевод на иностранные языки для многочисленных приглашенных делегаций. Для этого в Кремле были специально оборудованы кабины, снабженные принудительной вентиляцией, системой сигнализации, хорошей звукоизоляцией. На XIX съезде КПСС перевод на русский язык еще производился с трибуны переводчиком, стоявшим рядом с оратором.

После XIX съезда КПСС все съезды, конференции и конгрессы всесоюзного значения и международного характера производились в СССР с применением синхронного перевода. «География» синхронного перевода стала расширяться: на международных конгрессах и семинарах в Ленинграде, Киеве и Ташкенте участники получили возможность непосредственно следить за речью оратора, живо реагировать на его призывы, выражать свое одобрение. Установился живой контакт с аудиторией, экономилось большое количество времени, которое раньше тратилось на последовательный перевод.

На XX съезде КПСС синхронный перевод применялся как для перевода на иностранные языки, так и для перевода выступлений зарубежных делегатов на русский язык.

Если на XIX и XX съездах КПСС синхронный перевод осуществлялся на шесть рабочих языков: китайский, английский, французский, немецкий, испанский и итальянский, то на XXI съезде КПСС иностранные делегаты уже слушали перевод на восемнадцати рабочих языках.

Синхронный перевод стал применяться на сессиях Верховного Совета СССР, где он осуществляется на языках различных национальностей Советского Союза.

Синхронный перевод был применен также и на историческом XXII съезде КПСС.

Как известно, работа съезда проходила в новом величественном здании Кремлевского Дворца съездов, в котором созданы все условия для хорошей работы переводчиков. Оборудование для синхронного перевода дает возможность одновременно переводить на 29 языков. В кабинах установлены телевизоры, позволяющие видеть непосредственно перед собой крупным планом лицо оратора, следить за его мимикой и жестами. Часть кабин (18) имеют также непосредственный выход в зал: кабины застеклены и позволяют видеть все происходящее в президиуме и реакцию публики. Пульты на столах кабин могут путем нажатия на кнопку приобретать наклонное положение, позволяющее следить за текстом речи оратора.

Переводчики имели возможность предварительно ознакомиться с текстами основных докладов на съезде, а также с текстами выступлений наших гостей (в переводе на русский язык). Все остальные выступления переводились на слух. Перевод осуществлялся на 18 языках, в том числе на таких редких языках, как индонезийский, вьетнамский, корейский. Впервые производился также синхронный перевод на японский язык. Для делегатов из Скандинавских стран речи переводились на норвежский язык, наиболее понятный для остальных делегатов. Особо следует отметить, что делегаты из многих стран Африки и Азии впервые получили возможность слушать выступления на своем родном языке (в частности, арабском) и выступать на нем, в то время как раньше им приходилось слушать ход заседаний на западных языках.

Специальная кабина была отведена для перевода с любого из нерабочих языков. Интересно, что делегаты съезда часто бурно приветствовали наших гостей, выступавших на русском языке или заканчивавших на нем свои выступления. На русском языке закончили, в частности, свои речи также и делегаты от демократических партий новых независимых стран Африки. Поистине, русский язык стал международным языком мирового коммунистического движения всего прогрессивного человечества!

Перевод на каждый язык осуществляли 4 переводчика, сменявшиеся через каждые 20 минут.

Работа съезда проходила очень напряженно и требовала от переводчиков больших усилий. Все переводчики работали с подъемом и с чувством большой ответственности, стремясь отлично справиться с порученным им заданием.

В заключение несколько слов о «переводческих» трудностях, которые приходилось преодолевать. Очень много новой терминологии появилось в области сельского хозяйства; этим вопросам был посвящен ряд выступлений делегатов, среди которых были и «маяки», новаторы сельскохозяйственного производства. Кстати, само слово «маяк» впервые приходилось переводить в такой представительной аудитории, создавая в известном смысле эталон на будущее. Много новых сложных реалий было связано с переводом выступлений об изменениях в Уставе КПСС. В основном это была «безэквивалентная лексика». Известные трудности возникали при переводе прилагательных, образованных от наименования новых, недавно сложившихся независимых государств.

Целенаправленная подготовка к работе на съезде помогла переводчикам справиться с этими задачами.

Перед синхронным переводом открывается большое будущее. Переводчик ближайшего будущего должен будет владеть навыками синхронного перевода, иначе он не сможет отвечать требованиям, которые уже теперь предъявляются к квалифицированному устному переводчику.

II. Проблемы художественного перевода

Е. Эткинд
(Ленинград)

ИЗ КАКОГО МАТЕРИАЛА ДЕЛАЮТСЯ КНИГИ?

Читатель, который трезво мыслит и любит литературу, отвечает: книги делаются из жизни. Иногда говорят: книги делаются из книг, но если бы это было так, мы не знали бы великой прозы Льва Толстого и Чехова, Гоголя и Лескова.

Реалистическое произведение тем правдивее и тем больше в нем новаторства, чем непосредственнее писатель воспринял живую действительность, увидел ее краски, услышал ее звуки и ее речь.

Ну, а как быть с литературой переводной? Из какого материала делаются переводные книги?

Литератор сидит за письменным столом, обложенный словарями и энциклопедиями. Перед ним — книга, которая называется оригиналом. Вокруг него — тоже книги. Скажем, он переводит «Человек-зверь» Эмиля Золя — речь тут идет о железной дороге. Чтобы написать роман, Золя изучал быт и нравы машинистов, ездил кочегаром на паровозе, жил жизнью своих героев. А второй литератор, чтобы перевести эту книгу, и не подумает ездить на паровозе или даже знакомиться с машинистами — он удовольствуется данными, почерпнутыми из пособий, справочников и словарей. Он сделает книгу из книг.

И вот зачастую бывает так: энергичная, ядреная речь, подслушанная писателем у жизни — на базаре, в пивной, на поле, в цехе, в толпе демонстрантов или в роте солдат, — превращается в правильный, по всем словарям выверенный, но и мертвый л и т е р а т у р н ы й язык, лишенный импровизационной непосредственности. Язык вычитанный, а не подслушанный. Списанный, а не воссозданный. Язык вторичный, ничего не открывающий и ничем не способный удивить.

Нужны ли примеры? Впрочем, для ясности изложения приведу буквально первый, попавшийся под руку.

В новелле Мопассана «Папа Симона» деревенские мальчишки дразнят семилетнего Симона — у него нет отца. По-французски мальчишки говорят:

— Comment t'appelles-tu, toi ?

Il répondit : — Simon .

— Simon quoi? reprit l'autre.

L'enfant répéta tout confus : — Simon .

Le gars lui cria : — On s'appelle Simon quelque chose... c'est pas un nom ça... Simon .

Мальчишки говорят у Мопассана, как всякие деревенские мальчишки: грубо, с издевкой, да еще рисуясь подчеркнутой вульгарностью. В литературном языке нельзя задать вопрос: « Simon quoi ? » или сказать « Simon quelque chose », а вместо последней реплики должно было бы стоять: « Ce n'est pas un nom... » и т. д. В русском переводе все это звучит так:

— Послушай, ты, как тебя зовут?

— Симон.

— А дальше как?

Ребенок совсем смутился и повторил:

— Симон.

Парень крикнул ему:

— Говорят — Симон такой-то... Какая же это фамилия «Симон»!¹

Перевод как перевод. Все вполне грамотно, ясно, даже интонационно четко. Только вот беда: Мопассан подслушал у деревенских мальчишек, как они говорят, и все исполь-

¹ Г и д е М о п а с с а н, Рассказы и статьи, пер. А. Ясной, М., Гослитиздат, 1953, стр. 6.

зованные им фамильярные обороты — естественная речь, радующая открытием какого-то особого, до сих пор в литературе не существовавшего стиля. А в переводе все ординарно, все уже сотни раз было. «А дальше как?» — спрашивают ребята у Симона. Этот вопрос движет сюжет рассказа — по ходу дела он необходим. Вот и вся его функция. Стилистически он пуст, нейтрален, а потому — скучен. «Симон такой-то...» — тоже скучно; «Какая же это фамилия...» — тоже голая информация.

По сути дела переводчик должен был — вслед за автором — побродить по деревенским улицам, послушать разговоры мальчишек, впитать их в себя и в свою прозу. А переводчик — да он только книги читает...

Возникает серьезное возражение: у Мопассана говорят французские мальчишки, переводчику нужно на русском языке передать речь не русских Ванюш и Вовок, а французских Гильомов и Жаков. К чему же тут русская деревня? Чем она поможет?

Что и говорить, нет нужды подставлять вместо Гильомов — Вовок и Ванюш. Но в том-то и заключается творчество писателя-переводчика, чтобы, воссоздавая произведение иностранного писателя, идти одновременно и от книги, то есть от оригинала, и от жизни, то есть от живой окружающей переводчика действительности, — да, идти одновременно, и во вторично возникающем отраженном произведении словесного искусства создать единство книжного и живого, иностранного и своего, прочитанного и подслушанного.

Немногие мастера поднимались до решения этой задачи. Почти все переводчики шли и идут от книги, даже выдвигая теоретическую программу, которая оправдывает их книжность. В переводном произведении, утверждают они, не должно быть ничего слишком русского — ни специфически русских реалий, вроде 'щей', 'лаптей', 'изб', 'зипунов', ни специфически русских просторечных выражений: и те, и другие нарушают правдоподобие перевода, каковой начинает казаться странным гибридом иностранного со своим.

Когда В. Пяст переводил «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, он смущенно останавливался перед рокошущим басом мужика и монаха брата Жана, который ничуть не затрудняет себя выбором бранных выражений и сквернословит почем зря. Вот корабль попал в шторм, и брат Жан в веселом бешенстве орет — у В. Пяста он орет так:

«Что же галс! — воскликнул брат Жан. — Тысяча чертей! На штирборт! Ложись в дрейф, бога ради! Румпель долой! Ложись в дрейф! Ложись в дрейф! А тем временем выпьем! самого лучшего выпьем, желудочного! Слышите вы там, мажордом? Тащите сюда! Давайте! Ведь все равно вино ваше отправится ко всем чертям! А ты, паж, подай сюда мое рвотное (так он называл свой требник). Пойдите! Давай сюда, мой друг! Боже мой милостивый! Ну и град! Ну и молнии! Эй вы, верхние, держитесь покрепче, пожалуйста! А когда у нас праздник всех святых? Сегодня у нас тоже праздник, но только не святых, а всех чертей!»²

Все это совсем неубедительно, потому что книжно. Что за литературная брань в устах грубияна, богохульника и сквернословия брата Жана: «Тысяча чертей», «ко всем чертям», «праздник... всех чертей»... А глаголы какие — пресно-интеллигентского обихода: «Давайте!», «Пойдите!», «Давай сюда!»

Но вот как другой брат Жан обращается к морякам:

«Эй, туда, туда, черт бы вашу душу взял! — вскричал брат Жан. — На штирборт! Ради всего святого, ложись в дрейф! Вынь румпель, эй! Ложись в дрейф, ложись в дрейф! Эй, давайте-ка выпьем! Только самого лучшего, самого что ни есть полезного для желудка. Эй, кок, слышите? Сообразите, спроворьте! Все равно полетит оно у вас к чертовой матери. Эй, паж! Тащи сюда мое рвотное! (Так он называл свой служебник). Погодите! Пробки долой, друг мой, вот так! Господи, твоя воля! Ну и град, ну и молния! Эй вы там, наверху! Пожалуйста, держитесь! Когда у нас праздник всех святых? По-моему, нынче у нас не праздник, а безобразник, и не всех святых, а всех чертей»³.

Сравним несколько оборотов:

изд. 1938

Тысяча чертей!
А тем временем выпьем!
Тащите сюда! Давайте!

изд. 1961

Черт бы вашу душу взял!
Эй, давайте-ка выпьем!
Сообразите, спроворьте!

² Ф. Р а б л е, Гаргантюа и Пантагрюэль, Л., Гослитиздат, 1938, стр. 314.

³ Ф. Р а б л е, Гаргантюа и Пантагрюэль, М., Гослитиздат, 1961, стр. 449.

Ведь все равно вино ваше
отправится ко всем чер-
тям!

Подай сюда...

Давай сюда, мой друг!

Эй вы, верхние, держитесь
покрепче, пожалуйста.

В новом переводе брат Жан изменился до неузнаваемости: у В. Пяста он был веселый забуддыга, но все же интеллигентно-сдержанный крикун. Каков он теперь, у Н. Любимова? Громогласный, неукротимый и к тому же мужик, монах и мужик в одном лице, каким задумал его Франсуа Рабле. Н. Любимов ругается за брата Жана — весело, непосредственно, как, может быть, он сам ругается в своей частной жизни или как, во всяком случае, ругаются знакомые моряки, шоферы, грузчики. Трудно себе представить реального боцмана, который крикнет: «А тем временем выпьем!» или «Что же галс!» Жизненное правдоподобие не волновало В. Пяста, прекрасного литератора, но старого эстета и поэтического гурмана. Жизненный опыт поэта-книжника недостаточен для того, чтобы создать русского Рабле.

Приведу еще цепочку примеров из другой главы (XXIII глава III книги). Говорит Панург, философ-блудодей, объясняющий, почему он больше не пойдет к некоему старому поэту. Выписываю не связный текст, а отдельные обороты и словосочетания, дающие представление о разнице между стилистикой обоих переводов.

изд. 1938

Ох-хо-хо! Я заврался, за-
путался в своих речах!

Ведь комната его навер-
ное полна чертей.

...чертовская свара и скло-
ка...

...ухватить душу Рамина-
гробиса и сию же минуту
доставить ее господину
Люциферу.

Все равно полетит оно у
вас к чертовой матери.

Тащи сюда...

Пробки долой, друг мой,
вот так!

Эй вы там, наверху! По-
жалуйста, держитесь!

изд. 1961

Ой-ой-ой, да что ж это я
плету, что ж это я го-
рожу?

Комната его уж теперь
полна чертей, вот как
бог свят.

...чертова тяжба и пота-
совка...

...сцапать Котанморда-
нову душу и недолго
думая переправить к мес-
серу Люциферу.

Прочь, прочь! Я туда не пойду!

Кто знает, вдруг произойдет *qui pro quo*, и вместо Раминагробиса они схватят беднягу Панурга?

...им это не удавалось.

Зачем он не отказал им в завещании хоть несколько крох, каких-нибудь остатков, чтобы заморить червячка бедным людям...

Ни за какие коврижки! Повстречал он на берегу.

...на плечах

Это был дюжий малый.

Договор был заключен.

...швырнул Додэна в воду вниз головой.

...черти сбросят тебя на какой-нибудь утес...

Подальше оттуда! Я к нему не ходок.

Почем я знаю, может выйти недоразумение, и заместо Котанмордана они сграбастают беднягу Панурга...

...они оставались с носом.

Ну что бы завещать им хоть какие-нибудь крохи, чем можно подзаправиться, чем можно напихать утробу бедным людям...

Нет, шалишь!

Этот сукин кот встретил на берегу...

...на закорках

Монах-то был здоровяк.

Ударили по рукам.

...бултыхнул Додэна вниз головой в воду.

...черти кокнут тебя о скалу...

И так далее. Все эти выписки сделаны с полутора страниц (изд. 1938 г. — стр. 231—232, изд. 1961 г. — стр. 321—322) — различие между текстами вполне очевидно. В. Пяст остается в пределах привычной и благопристойной литературной нормы, он пользуется только той речью, которая принята в интеллигентских кругах, он словно пересказывает неистового Рабле другим стилем, который вернее всего назвать *средним*. Даже идиомы, которыми он изредка уснащает текст, принадлежат к разговорному обиходу сдержанно иронической интеллигенции: «Ни за какие коврижки!», «заморить червячка». Н. Любимов открывает шлюзы живому современному просторечью, он стремится к сочности, непривычному разнообразию, интонационному богатству, грубой энергии вулгаризмов. У него не «заврался, запутался», а «плету... горожу», не «наверное», а «вот как бог свят», не «я туда не пойду», а «я к нему не ходок», не «схватят», а «сграбастают», не «заморить червячка», а «напихать утробу», не «швырнул», а «бултыхнул», не «сбросят», а «кокнут».

Перестал ли Рабле быть французом XVI века оттого, что текст перевода оказался таким насквозь русским и просторечным? Нет, только теперь «медонский кюре» стал тождествен себе. У В. Пяста, как и у Анны Энгельгардт, предшественницы Пяста, Рабле был прочитан и воспроизведен как брезгливый дворянин, как провозвестник классицизма XVII века, того классицизма, который начисто отверг раблезианскую эстетику. У Н. Любимова Рабле — писатель стихийной народности, и мы воочию видим, как этот буйный гений Возрождения делал свою великую книгу из жизни. О, конечно, из книг тоже, — но из книг лишь постольку, поскольку они были частью жизни. В прежних переводах Рабле был уравновешенным, умиротворенным книжником — под стать своим переводчикам.

Оторвавшись от чистой литературы и открыв путь современной жизненной стихии, Н. Любимов воскресил старинную книгу, трудно доступную даже нынешним французам. Зачем долго и абстрактно растолковывать, что такое французское Возрождение, — достаточно прочесть одну из этих бесшабашных, богатых словами и мыслями мятежных глав. Воскресли герои этой книги — прежде они казались на одно лицо, что брат Жан, что Панург. Оказалось, все они разные, и это так весело и так современно, что ничего не будет странного, если вдруг французская книга шестнадцатого века повлияет на русскую советскую прозу века двадцатого.

Живая струя современности пронизывает и новый труд Н. Любимова — перевод романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель».

Это сложное произведение. Написанное в 1867 году, оно стало народной книгой Бельгии, своеобразным национальным эпосом. Элементы, кажущиеся порой несоединимыми, образовали в «Тиле Уленшпигеле» необычный сплав: фольклорная легенда и юридический документ XVI века, фарс и эпопея, исторический роман и романтическая поэма, идиллия и сатира, вульгарное архаическое просторечие фламандских мужиков и выпренные монологи записных ораторов, грубая примитивность старинного рисунка и манерный изыск музыкально-ритмической прозы, создаваемой современником Флобера и братьев Гонкур. Все есть в этой книге, и, кажется, если бы не удивительный талант Шарля де Костера, она развалилась бы, рассыпалась на

множество различнейших, друг другу противоположенных и даже стилистически враждебных глав.

Что делать переводчику? Как воссоздать это единство разнообразнейших слоев, которое в оригинале держится глубоко запрятанным единством повествовательной интонации?

А. Г. Горнфельд был добросовестным и даровитым литератором. Ему, автору известной книги «Муки слова»⁴, принадлежит хороший перевод «Тиля». И он сплотил разнородные составные части романа, он достиг единства, купив его дорогой ценой, слишком дорогой — нейтрализацией всех стилистических элементов, удаляющихся от литературной нормы. А. Горнфельд все подтянул к центру, всему тексту придал уравновешенный, нормализованный характер.

Н. Любимов, через 25 лет после Горнфельда взявшийся за книгу Костера, был умудрен немалым опытом: работой над «Дон Кихотом» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэлем» Рабле. Это оказалось решающим условием успеха: недаром Ромен Роллан в своей статье о Костере ставил его «Тиля» в ряд именно с этими двумя великими книгами. Но тот же Роллан подчеркивал и отличие «Тиля» от книги Рабле: «Смех Рабле — это поток, он все уносит, и мудрость, и шутовство, и страсти — никаких следов ненависти!.. Смех фламандского «Уленшпигеля» — это маска хохочущего Силена, скрывающая беспощадное лицо, едкую злость, огненные страсти. Сорвите маску! Он страшен, этот Уленшпигель! В глубине он трагичен... Де Костер отлично это знал!»⁵.

Н. Любимов тоже, и трагизм проникает созданный им русский текст романа от первой до последней страницы. Но дело не только в этом.

Н. Любимов прочел книгу Костера другими глазами, чем А. Горнфельд. Он увидел в ней прежде всего народную точку зрения на мир — на историю, на религию, на природу, на любовь. Костер — в его трактовке — поэт своей Фландрии, завоевавший право представлять от народа. Костер — голос Фландрии всех времен, от XVI до XX века.

У Горнфельда было совсем иначе: в его трактовке скорее подчеркивались связи Костера со своей эпохой, с новейшей европейской литературой второй половины XIX века.

⁴ А. Г. Горнфельд, *Муки слова*, 1927.

⁵ См. Charles de Coster, *La Légende d'Ulenspiegel*, М., 1936, р. XX.

Текст дает основание для обеих трактовок. Но Н. Любимов тысячу раз прав. Прочитав роман Костера при свете двух огней — Сервантеса и Рабле, он увидел в нем бесчисленные нити, тянущиеся к Возрождению, к основам народного бытия, воплощенным в многовековой истории нации, а эти нити куда крепче, куда важнее других, идущих к современным писателям. Поэтому в каждой главе «Тилья Уленшпигеля», — о чем бы в ней ни было написано, какова бы ни была ее стилистика, — в каждой главе у Любимова ощущается народный взгляд на вещи и народная интонация. Так и у Костера.

Костер чередует главы, посвященные семейству Клааса, и главы о престолонаследнике Филиппе II. Написанные в разных стилистических ключах, они у Костера — а по-русски у Любимова — едины народным взглядом. Вот, например, рассказ о Филиппе в ч. I, гл. XVIII:

«Выискав переход потемнее, он садился, вытягивал ноги и так сидел часами. Если кто-нибудь из слуг нечаянно наступал ему на ногу, он приказывал высечь его и с наслаждением слушал, как тот кричит, но смеяться никогда не смеялся»⁶. Подчеркнутое предложение по-русски как будто разговорнее, чем в оригинале (*mais il ne riait point*), но самый факт, что оно повторяется трижды, рефреном, в конце трех абзацев, позволяет воспринимать всю главу как народную сказку. Н. Любимов включает в этот сказочный тон, и дальнейший диалог инфанта с отцом ведет в том же духе. Император недоволен тем, что его сын не развлекается охотой:

— Ah ! soupira l'enfant, j'ai mal au ventre, monseigneur père.

— Le vin de Paxarète, dit Charles, y est un remède souverain.

— Je n'aime point le vin ; j'ai mal de tête, monseigneur père.

— Mon fils, dit Charles, il faut courir, sauter et gambader ainsi que font les enfants de ton âge.

— J'ai les jambes roides, monseigneur père⁷.

⁶ Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле, Гослитиздат, М., 1961, стр. 35.

⁷ Charles de Coster, La Légende d'Ulenspiegel, M., 1936, p. 37.

В самом деле, все здесь от сказки: троекратное повторение аналогичных ответов (как выше рефрен — «*mais il ne ríait point*») и архаическое обращение «*monseigneur pèrè*», и устарелые, но сохранившиеся именно в разговоре обороты типа «*j'ai mal de tête*». А. Горнфельд воспроизвел синтаксические параллелизмы и повторы, но обесцветил текст ровной литературной лексикой:

— О, у меня болит живот, батюшка! — стонал инфант⁸.
(Да и выше повторяется вполне нейтральное: «Но он никогда не смеялся»).

А у Н. Любимова:

— Ах, государь батюшка, у меня живот болит! — пожаловался инфант.

— Самое верное средство от этой хвори — паксаретское вино,— сказал Карл.

— Я не выношу вина,— у меня, государь батюшка, голова болит.

— Тебе надо бегать, сын мой,— сказал Карл,—надо прыгать, скакать, как все твои сверстники.

— У меня, государь батюшка, ноги не гнутся

(стр. 35).

У Горнфельда нейтральное «батюшка», а у Любимова русско-сказочное «государь батюшка», и дальше оба переводных текста представляют собой параллельные линии, которые не пересекаются:

изд. 1938

превосходное лекарство от
желудка

я не люблю вина

мальчики в твоём возрасте

бегать, прыгать, лазить

изд. 1961

самое верное средство от
этой хвори

я не выношу вина

сверстники

прыгать, скакать

Дело, однако, не только в иной лексической системе, но и в коренном отличии синтаксических построений. Н. Любимов каждую фразу поворачивает так, что она приобретает повышенно разговорную экспрессию. У Горнфельда: «паксаретское вино — превосходное лекарство от желудка», у Любимова: «Самое верное средство от этой хвори — паксаретское вино». У Горнфельда: «У меня голова болит,

⁸ Шарль де Костер, Легенда об Уленшпигеле, Гослитиздат, Л., 1938, стр. 29.

батюшка», у Любимова: «У меня, государь батюшка, голова болит».

Горнфельд от сказки очень далек. Кстати, поэтому в конце главы, где в оригинале инфант говорит: «*L'Angelus, monseigneur rège*», Горнфельд спокойно пишет, снимая непрменный сказочно-эпический повтор: «Звонят к вечерне, г о с у д а р ь» (выше было «батюшка»), между тем как Любимов, всю главу ведущий в традиции сказки, заканчивает ее соответствующим аккордом: «К вечерне звонят, государь батюшка» (стр. 36).

Закономерность, установленная нами относительно этой главы, действует на протяжении всего текста обоих переводов — как сказано, они подобны параллельным линиям.

Рассмотрим несколько глав I части, написанных в разных стилистических манерах.

Глава V — пророчество колдуньи Катлины. В оригинале ее монолог о будущем обоих младенцев — инфанта Филиппа и Тиля Уленшпигеля — полон народных фразеологизмов и старинных выражений: «*Charles empereur et Philippe roi (вместо l'empereur, le roi) chevaucheront (архаизм) par la vie, faisant le mal par batailles, exactions et autres crimes. Claas travaillant toute la semaine, vivant suivant droit et loi (народное повторение одинаковых форм и фразеологическое сочетание рифмующихся существительных без артикля), et riant au lieu de pleurer en ses durs labeurs (народно-разговорный архаизм), sera le modèle des bons manouvriers (архаизм) de Flandre. Ulenspiegel toujours jeune et qui ne mourra point, courra par le monde (народно-разговорное) sans se fixer oncques (разговорно-архаическое) en un lieu*».

В переводе А. Горнфельда читатель найдет исчерпывающую с м ы с л о в у ю информацию; но все то, что придает речи деревенской пророчицы специфическое обаяние, утрачено безвозвратно: «Император Карл и король Филипп пройдут через жизнь, битвами, вымогательствами и всякими преступлениями сея зло. Клаас будет без усталы работать и всю жизнь проживет по праву и закону, не плача над своей тяжелой работой, но всегда смеясь, и останется примером честного фламандского труженика. Уленшпигель будет вечно молод, никогда не умрет и пронесется через жизнь, нигде на оседая. Он будет крестьянином, дворянином, живописцем, ваятелем — всем вместе. И так он станет странствовать по всем странам, восхваляя все правое и прекрас-

ное, издеваясь во всю глотку над глупостью» (стр. 18). Неправда ли, грамотная деревенская колдунья? Так, вероятно, могла бы предекать будущее сельская учительница. Крутой стилистический поворот — и мы в иной языковой стихии:

«Император Карл и король Филипп промчатся по жизни, всем досаждая войнами, поборами и прочими злодеяниями. Клаас — тот рук не покладает, права-законы соблюдает, трудится хоть и дó поту, да без ропоту, никогда не унывает, песни распекает — того ради он послужит примером честного фламандского труженика. Вечно юный Уленшпигель никогда не умрет, по всему свету пройдет, ни в одном месте прочно не осев. Кем-кем он только не будет: и крестьянином, и дворянином, и ваятелем, и живописцем! И странствовать ему по белу свету, слава все доброе и прекрасное, а над глупостью хохоча до упаду» (стр. 17).

В тексте Костера Любимов рассмотрел все то, чего не увидал Горнфельд: и поговорочные внутренние рифмы, напоминающие прибаутки или раешник ('хоть и дó поту, но без ропоту'), и разговорно архаические конструкции ('того ради послужит примером'), и сказочные сочетания ('по белу свету', 'права-законы'). Может быть, у него их даже чуть больше, чем в подлиннике, — но в переводе так много приходится терять, что преувеличение верно уловленных стилистических элементов не может повредить единству текста. А расхождение в выборе лексики — оно у обоих переводчиков так же велико, как и отмеченное выше: битвы — войны, вымогательства — поборы, преступления — злодеяния, сея зло — всем досаждая (все это в одной только фразе!). А построение фразы! У Горнфельда оно повествовательно литературное, у Любимова — разговорное, близкое к сказочно-просторечному:

Клаас будет без устали ра-
ботать...

Он будет крестьянином,
дворянином...

И так он станет странст-
вовать по всем странам...
...издеваясь во всю глотку
над глупостью.

Клаас — тот рук не покла-
дает...

Кем-кем он только не бу-
дет: и крестьянином, и
дворянином...

И странствовать ему по
белу свету...
...а над глупостью хохоча
до упаду.

Найдя иной стилистический принцип, Любимов изменил не только внешнюю форму, но и содержание. Ведь речевая манера Катлины создает словесный образ этой женщины, одной из героинь книги Костера,— у Любимова совсем иной, чем у Горнфельда. Горнфельд стилистическими средствами делает пророчицу рупором автора, Любимов — рупором фламандского народа. В итоге у Горнфельда автор и народ разведены в стороны, у Любимова они слиты воедино. Это ли не иное содержание?

Поблизости от этой главы — седьмая, где говорится о разграблении Рима войсками императора Карла V. Совсем другой стиль — исторический эпизод. А. Горнфельд в своей стихии — он спокойно повествует от автора: «Вот уже неделя, как длится грабеж, рейтары и ландскнехты неистовствуют над Римом, объедаются и опиваются, шатаются по улицам, размахивая оружием, разыскивая кардиналов, крича, что они им отрежут лишнюю кожу, чтобы навеки лишить их возможности пробраться в папы... Некоторые улицы превратились в кровавые потоки, загроможденные ограбленными трупами» (стр. 19—20). Та же историческая сцена в переводе Н. Любимова выглядит и похоже, и совершенно иначе: «Грабеж длился уже целую неделю. Обожравшиеся, упившиеся рейтары и ландскнехты, бряцая оружием, шатались по городу, искали кардиналов и кричали, что они им лишнее отрежут, и тогда уж, дескать, папой никому из них не бывать... Иные улицы превратились в потоки крови, запруженные дочиста обобранными мертвыми телами» (стр. 19). Каков на самом деле автор — эпически повествующий историк, как у Горнфельда, или ненавидящий карловых воинов-грабителей человек своей эпохи?

«...Cherchant les cardinaux et disant qu'ils tailleraient assez dans leur cuir pour les empêcher de devenir jamais papes » (р. 17) — конечно, эта фраза (в косвенной речи) передает вульгарные возгласы ландскнехтов с куда большей конкретностью, чем нейтрализованная косвенная речь Горнфельда: «...крича, что они им отрежут лишнюю кожу, чтобы навеки лишить их...» и т. д.; Н. Любимов нашел яркую форму для воспроизведения мысли и стиля Костера: «...кричали, что они им лишнее отрежут, и тогда уж, дескать, папой никому из них не бывать». У Горнфельда автор—историк, и только. У Любимова автор здесь тоже историк, но он сливается с современниками, ненавидевшими Карла V. Как видим, угол расхождения остается прежним.

Верный принципу стилистического разнообразия и пестроты, Костер ставит рядом главы, содержащие официальные указы, лирические описания фламандской природы, грубоватые мужицкие разговоры, полные патетики исторические обобщения. И повсюду А. Горнфельд сглаживает различия, все подтягивает к литературной норме. И повсюду Н. Любимов эти различия заостряет, выпячивая характерные черты того или иного стиля, объединяя противоположные элементы тонко проведенной через весь текст фольклорной интонацией.

Особенно интересно проследить за тем, как в обоих переводах воспроизведены просторечные разговоры. Вот лишь несколько типических примеров:

«...mais viens-nous-en, commère... » (p. 20).

Горнфельд: «Но надо убираться, милая...» (стр. 21).

Любимов: «Словом, женушка, давай-ка загодя отсюда подобру-поздорову...» (стр. 23).

« Or ça, baudet, mange mes talons ». Et le baudet de courir » (p. 24).

Горнфельд: «Вперед, серячок, живее!» И осел пустился рысью (стр. 23).

Любимов: «А ну, серый, шевелись!» И серый припустился» (стр. 25).

Горнфельд: — Отчего у тебя такая большая кружка, а у меня такой маленький стаканчик (un chétif gobelet)? — спросил Уленшпигель.

— Оттого, что я твой отец и хозяин в доме (le baes de séans),— ответил Клаас (стр. 26).

Любимов: — Отчего это у тебя здоровенная кружища, а у меня махонький стаканчик?— спросил Уленшпигель.

— Оттого, что я твой отец и набольший в доме,— отвечал Клаас (стр. 30).

— Baisez vilaine, elle vous poindra; poignez vilaine, elle vous oindra. Oins-moi donc, mignonne, puisque je t'ai poignée (p. 55).

Горнфельд: — Целуешь злючку — она дерется, побьешь ее — она сдается. Ну, сдавайся, девочка,— я ведь побил тебя (стр. 37).

Любимов: — Поцелуй злючку — невзлюбит, дай тычка — приголубит. А ну, девчурка, я ж тебе дал тычка — приголубь меня! (стр. 51).

Уленшпигель дразнит и бранит прохожего богомольца, который почему-то, твердя «Отче наш», двигается задом. Вот как он обращается к нему:

«...Penses-tu, lanterne sans chandelle, simulacre de piéton, ressembler à un homme ? Cela adviendra quand ils seront faits de loques. Où vit-on jamais cette trogne jaunâtre, cette tête pelée, sinon au champ de potences? N'as-tu point été pendu jadis ?.. » (p. 75).

Горнфельд: «Ты, фонарь без свечи, путник беспутный, думаешь, ты похож на человека? Будет это тогда разве, когда людей станут делать из старых тряпок. Где это была видана такая желтая образаина, такая башка облезлая?— разве на виселице! Висел уж, видно, когда-нибудь?..» (стр. 45).

Любимов: «Ты воображаешь, огрызок, пирог ни с чем, что ты похож на человека? Ты тогда станешь похож на человека, когда людей будут делать из тряпья. Ну, где можно увидеть такую желтую харю, такую лысую башку? Только на виселице. Ты, уж верно, когда-нибудь висел?» (стр. 68).

Переводы В. Пяста и А. Горнфельда, по которым несколько поколений советских читателей знакомились с великими книгами Рабле и Костера, вышли в свет в одном и том же 1938 году, тот же Гослитиздат в 1961 году выпустил в свет обе книги в новых переводах, созданных Н. Любимовым. Конечно, Н. Любимов писатель громадного таланта. Но не только его личным дарованием объясняются отмеченные принципиальные различия между его работой и переводами обоих его предшественников. Ведь и Пяст, и Горнфельд оставили далеко позади литераторов, сделавших до них переводы Рабле и Костера, ведь и они были видными мастерами, замечательными для своего времени переводчиками. Неслучаен тот факт, что их труды так похожи между собой по своим принципам и что они

появились одновременно. Рабле В. Пяста и Костер А. Горнфельда характерны для того этапа русского переводческого искусства, который оба они представляют.

Н. Любимов — переводчик новой эпохи. Он по-новому читает и по-новому пишет. Он — писатель-переводчик того этапа в развитии нашей литературы, когда переводная проза, не желая больше мириться с положением бедной родственницы в литературной семье, завоевывает себе равноправное место в современной прозе.

Переводная проза сбрасывает оковы мертвой книжности, она обновляется за счет живой действительности, современной речи, она приобретает естественность и гибкость словаря и синтаксиса, которые рождаются не столько из книг, сколько из жизни. До сих пор обычно бывало так, что только переводчики-поэты участвовали в литературном процессе современности, а переводчики прозы играли роль «почтовых лошадей просвещения». Теперь в ряд с такими поэтами-новаторами, мастерами переводческого искусства, как М. Лозинский и С. Маршак, Б. Пастернак и Н. Заболоцкий, стал блестящий художник слова прозаик Николай Любимов.

Я. Рецкер
(Москва)

ПЛАГИАТ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД?

(Об одной судебной экспертизе)

Что такое переводческий плагиат? Даже закон, предусматривающий любое правонарушение, об этом умалчивает. Не нашли мы ничего по этому вопросу и в специальной литературе⁹. Поэтому, когда весной 1961 года кафедре перевода 1-го Московского педагогического института иностран-

⁹ Единственным источником, содержащим наводящие мысли о проведении экспертизы по делу о плагиате перевода, послужила для нас книга А. И. В а к с б е р г а, Издательство и автор. Правовые взаимоотношения, М., 1958, где на стр. 106—107 можно прочитать: «Отказывая М. в иске, суд отмечает, что «перевод Б. существенно отличается от перевода М. по своим художественным качествам, композиционному строению, разработке характеров, образности и словарю».

ных языков было поручено городским судом произвести экспертизу по делу о плагиате перевода, нам, членам выделенной кафедрой комиссии, пришлось вырабатывать свою собственную методику, с которой, как мне кажется, будет интересно познакомиться и переводчикам, и преподавателям иностранных языков.

Из материалов судебного дела, содержащего до 450 страниц, нам стало ясно большое принципиальное значение этого процесса. Многие художественные произведения, особенно классические, переводятся по несколько раз. Нам известны семь переводов «Госпожи Бовари», одиннадцать — «Ярмарки тщеславия», не говоря уже о многочисленных переводах шекспировских пьес. Совершенствуется искусство перевода, и заново прочитываются произведения, известные в менее совершенных (а подчас и вовсе несовершенных) переводах уже многие десятки лет. Понятно, что в какой-то мере переводы одного и того же произведения должны совпадать. Если суд признает плагиатом даже частичное совпадение, чисто внешнее, то переводчики станут бояться работы над уже переведившимися произведениями, а от этого в первую очередь пострадает читатель.

Но вернемся к сути дела. В конце 1959 года С. С. Серпинский подал в суд на переводчицу Т. А. Озерскую, обвинив ее в том, что она заимствовала у него перевод первых одиннадцати глав романа «Золотые мили» К. Причард, и потребовал взыскать с Озерской двадцать тысяч рублей гонорара в его пользу. Нарсуд Дзержинского района, рассмотрев дело на пяти заседаниях, признал факт заимствования и постановил удовлетворить иск Серпинского в половинном размере. Другими словами, суд признал, что Озерская взяла уже ранее (в 1949 г.) изданный перевод Серпинского, отредактировала его и выдала за свой. Опротестованное обеими сторонами решение нарсуда было отменено коллегией горсуда, и дело было передано на новое рассмотрение.

Приступая к экспертизе, наша комиссия (старшие преподаватели кафедры перевода И. Э. Воронцова, Н. Г. Санников и я) ознакомилась с заключениями двух экспертиз, имеющихся в деле: экспертизой Союза писателей и экспертизой трех преподавателей МГУ. Эксперты пришли к диаметрально противоположным выводам: эксперты-переводчики М. Ф. Лорие и О. П. Холмская, члены секции

переводчиков Союза писателей, категорически отвергли обвинение в плагиате; эксперты МГУ не менее категорически признали, что перевод Озерской, изданный в 1954 году,— это отредактированный перевод Серпинского, причем плагиат «искусно замаскирован».

Различные выводы двух экспертиз вытекали из различных методов проведения экспертизы. Как было указано руководителем экспертов МГУ доктором филологических наук О. С. Ахмановой, комиссия не касалась вопроса о художественной полноценности переводов, но ограничилась «лингвистическим сопоставлением» переводов. Напротив, комиссия Союза писателей сделала упор на художественную самостоятельность перевода Озерской, не идущего ни в какое сравнение с первым переводом, и показала, что переводы эти принципиально различны по своему художественному методу.

Об эквивалентах и контекстуальных соответствиях

Наша экспертная комиссия оказалась перед очень трудной задачей. Ведь даже пользуясь совершенно другим методом перевода, можно заимствовать из имеющегося перевода решение наиболее трудных мест. С нашей точки зрения, плагиат при переводе (пусть частичный) заключается в несамостоятельном решении тех сложных переводческих задач, которые каждым переводчиком могут решаться по-своему. Для того чтобы установить, каковы эти трудности, мы применили положения лингвистической теории перевода, теории словарных соответствий. В то же время для установления закономерностей отбора стилистических средств мы пользовались методом литературоведческого анализа. Таким образом, мы применили комплексный способ проведения экспертизы — и лингвистический, и литературоведческий.

При переводе важно различать эквиваленты, то есть постоянные равнозначные словарные соответствия, как правило, не зависящие от контекста, и соответствия контекстуальные, словарями не регистрируемые. Речь идет, конечно, не только о соответствиях между словами, но и между словосочетаниями и смысловыми группами в разных языках.

Сколько бы переводчиков ни переводили одно и то же произведение, если они будут переводить правильно, они вынуждены будут пользоваться одними и теми же эквивалентными соответствиями. Именно поэтому, когда мы вслед за экспертами секции переводчиков Союза писателей сопоставили различные переводы «Госпожи Бовари» Г. Флобера, «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея и «Тихого американца» Грэма Грина (по пять страниц из разных глав романов), то, даже отбрасывая собственные имена и личные местоимения, мы получили в среднем свыше 40% совпадений слов, а на некоторых страницах — до 62%; совпадения неизбежны, и процент их может быть очень высок. Между тем Н. М. Любимов явно не списывал свой перевод у А. Ромма, а М. Дьяконов — у Гей. «Тихий американец» переводился одновременно под таким же названием двумя парами переводчиков для журнала «Иностранная литература» и для книжного издательства.

Мы подсчитали количество совпадающих слов в переводах Т. Озерской и С. Серпинского. Оказалось, что на 114 страницах (11 глав) из 337 000 слов у Озерской совпадают с переводом Серпинского 29 000 слов, то есть 9%. Почему же так мало по сравнению с приведенными выше примерами? На этот вопрос мы оказались в состоянии ответить лишь в конце экспертизы.

Сложней обстоит дело с грамматической стороной перевода. При переводе художественного произведения любые грамматические эквиваленты могут оказаться непригодными, то есть соответствия грамматических форм и синтаксических конструкций могут быть отброшены из-за несоответствия структуры более крупного синтаксического целого ритмо-мелодике предложения или внутреннему ритму повествования. Особенно важно учитывать синтаксическую сторону перевода там, где у автора грамматические средства использованы в стилистических целях.

Конечно, стилистический фактор играет решающую роль и при выборе словарных соответствий в художественном переводе. Эксперты МГУ совершенно не учитывали этот фактор. Например, они не приняли во внимание, что в романе Причард почти все действующие лица оснащают свою речь просторечием и слэнгом. Между тем при переводе почти исключается возможность нахождения для каждого английского слова, принадлежащего к разговорному, просторечному или слэнговому пласту языка, русского

слова такой же категории. Важно, чтобы общая тональность речи совпадала, чтобы речевая характеристика была передана правильно. Переводчик действует здесь по методу компенсации: передает нужный оттенок там, где это возможно по законам русского языка.

Истец вообще причисляет слова и выражения разговорного и просторечного рядов¹⁰ к своим переводческим «находкам», не понимая, что в данной ситуации это единственно возможный и естественный выбор. Вот примерный перечень части этих так называемых «находок»:

бахвальство, вранье, потаскушка, разглагольствования, мой старик, зашагал, затащил, удрала, повезло, смылись, повыходили замуж, кликнуть, обозлиться, обронила, оправила юбку, нипочем, навеселе, просто сил не было терпеть, просто не знаю, что мне делать, кто помоложе, уж не раз и т. п.

Эксперты МГУ в доказательство наличия плагиата настаивают на том, что вместо 'бахвальства' в английском подлиннике 'хвастовство', вместо 'вранья' — 'ложь', вместо 'потаскушки' — 'проститутка' (английское разговорное tart!), а вместо 'ему повезло' — 'он был счастлив'. Всюду, где в обоих переводах совпадают отдельные слова, эксперты предлагают свой подстрочный, как правило, совершенно неприемлемый перевод, взятый из англо-русского словаря. Бездоказательность такого приема особенно наглядна, когда автор использует слово в его контекстуальном значении. Рассмотрим с этой точки зрения аргумент экспертов МГУ № 1 под рубрикой «буквальные совпадения в переводе, которые по своему характеру никак не могут быть признаны случайными» (*стр. 13 судебного Дела*):

«Эми была хороша собой и полна задора». (*Пер. С. Серпинского, стр. 57*).

«Эми была хороша собой, весела и задорна». (*Пер. Т. Озерской, стр. 56*).

А вот и подстрочный перевод, предлагаемый экспертами:
«Конечно, Эми была хорошенькой и живой».

¹⁰ Под просторечием мы понимаем тот языковой слой, который выделен этой пометой в новом «Словаре русского языка», тт. I—IV, Изд-во АН СССР, 1957—1961.

Прямое значение последнего эпитета (*vivacious*) не удовлетворило обоих перев-дчиков, оба написали 'задорна' (из чего эксперты заключают, что у Озерской — плагиат). Но вчитаемся внимательно в перевод Озерской и на предыдущей странице увидим:

«Но когда Лора вышла замуж за Тима Мак-Суини, она стала брать девочку по воскресеньям домой, и к той быстро вернулся ее шаловливый задор» (стр. 55).

Находим перевод этой же фразы у Серпинского: «... и вновь обрела свою жизнерадостность» (стр. 56) — книжный штамп вместо живой характеристики.

Эпитет 'задорна' в применении к Эми встречается в переводе Озерской еще раньше. На стр. 39 читаем:

«Эми уселась на ручку кресла Морриса. Пышные белокурые волосы небрежно рассыпались вокруг задорного разгоряченного личика, карие глаза с наивным кокетством нежно поглядывали на Дика».

Таким образом, 'задор', повторенный три раза в переводе Озерской, превращен ею в постоянный эпитет, очень метко характеризующий легкомысленную и темпераментную девушку.

Оправдано ли подобное раскрытие прилагательного *vivacious* в переводе с лингвистической точки зрения? Несомненно, если учесть, во-первых, что английские словари приводят в качестве его синонимов слова *lively*, *sprightly* и, во-вторых, что Русско-английский словарь под редакцией О. С. Ахмановой дает: задорный — *provocative*, *perky*, *full of life*, *full of mirth*.

Важно учесть, что обвинение в плагиате в основном опирается на совпадение коротких элементарных фраз, поддающихся дословному переводу. В первых трех главах романа таких предложений всего одиннадцать. Вот они:

1. Говорили, что Фред Кэрнс женился на ней. (*Пер. Озерской, стр. 7*).

2. Он получил (сейчас)¹¹ хорошую работу в (аналитической) лаборатории на (в) Боулдер-Рифе (стр. 12).

3. Пэдди ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего (стр. 16).

¹¹ В скобках показаны разночтения в переводах.

4. Разрешите представить мою жену (стр. 18).
5. Эми уселась на ручку (ручке) кресла Морриса (стр. 39).
6. Он выглядит чудесно, не правда ли? (стр. 36).
7. Ваш муж знает, что у нас здесь попросту (просто), без церемоний. Мы в это время обычно пьем чай (стр. 18).
8. Там, под землей, пройдены (целые) мили (стр. 22).
9. 6.400 тонн теллуридов дали за несколько месяцев (золота примерно) на $\frac{3}{4}$ миллиона фунтов стерлингов (стр. 25).
10. Миссис Гауг будет очень рада повидать тебя и твою женку (жену) (стр. 31).
11. А миссис Моллой теперь бабушка (стр. 32).

Трудно представить себе, как можно иначе перевести перечисленные предложения. Указанные в скобках отклонения показывают, что и здесь полного совпадения не наблюдается.

В тексте романа Причард довольно много технических терминов. Поскольку ни один из членов комиссии не знаком с техникой, к участию в экспертизе был привлечен специалист по обогащению руд кандидат технических наук Д. С. Соболев, переведший на английский язык несколько трудов по этой специальности. Тщательно сверив оба перевода с подлинником, Д. С. Соболев не обнаружил никаких признаков заимствования перевода терминов. Единственное совпадение ошибочного перевода термина «обогащительный стан» объясняется опечаткой в Англо-русском политехническом словаре Белькинда (правильно: став).

О роли многоточия

На переводе 7-го предложения необходимо остановиться, так как совпадение переводов этих двух фраз фигурирует в решении нарсуда как главное доказательство плагиата. Сопоставим оба перевода всего абзаца:

— Очень рада познакомиться с вами, миссис Морфе. Прошу вас, пройдемте в дом. Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь попросту, без церемоний. Мы в это время обычно пьем чай. (Пер. Т. Озерской, стр. 18).

— Я рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Не хотите ли войти в дом? Такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь просто, без церемоний. Мы обычно пьем чай в это время. (*Пер. С. Серпинского, стр. 22*).

“I am pleased to meet you, Mrs. de Morfé. Will you come in? It's such a hot morning, and your husband knows our free and easy way on the goldfields. We usually have a cup of tea at this time” (p. 23).

В судебном решении отмечается замена слов ‘на золотых приисках’ словами ‘у нас здесь’ в обоих переводах. Однако говорящие знают, где они находятся, и было бы странно это подчеркивать. Замена вполне естественна. Только игнорируя нормы разговорной речи, можно настаивать, как это сделали эксперты МГУ, на том, что для перевода фразеологизма *free and easy way* следовало взять словарное соответствие ‘непринужденный, чуждый условностей’. Но в данном случае, то есть в речи Салли Гауг, такой перевод нарушал бы разговорность стиля и звучал бы книжным штампом.

Конечно, суд должен был обратить внимание не только на совпадающие в двух переводах слова, но и на расходящиеся. Для перевода Серпинского характерен буквализм в передаче личного местоимения: «Я рада познакомиться с вами», тогда как Озерская дает естественное опущение ‘я’: «Очень рада познакомиться с вами». У Серпинского странный обрубок фразы: «Такое жаркое утро», у Озерской—осмысленное с естественной интонацией: «Сегодня такое жаркое утро». У Серпинского логическое ударение в последнем предложении смещено: «Мы обычно пьем чай в это время». Конечно, главное ударение падает не на обстоятельство времени. Правильный порядок слов дан в переводе Озерской.

Но главный упор в обвинении сделан не на совпадение переводов отдельных слов и выражений, а на совпадение... многоточия! Как указывается в мотивировочной части решения нарсуда, после слов ‘такое жаркое утро’ в обоих переводах имеется многоточие, «чего в оригинале нет» (*стр. 312 Дела*).

Признаться, это многоточие сначала привело в смущение и членов нашей комиссии. Но только сначала, пока мы не разобрались в том, почему в переводе на русский язык

появляется многоточие там, где его нет в английском подлиннике.

Мы отметили все случаи употребления многоточия во всех одиннадцати главах романа, переведенных Озерской, за исключением тех, где многоточие стоит и в оригинале. У Причард многоточие появляется только там, где не закончено высказывание. В переводе Озерской многоточие встречается девять раз — на стр. 15, 33 (два раза), 82, 90, 104, 107, 112 и в процитированном выше месте на стр. 18, причем ни в одном из этих случаев в подлиннике многоточия нет. В двух фразах находим в оригинале тире, в одной — запятую, а в остальных шести никаких знаков нет. Что же это значит? Почему в переводе появляется многоточие? Сопоставив все примеры, мы увидели, что в русском переводе многоточие обозначает интонационную паузу, сигнализируя о том, что между частями высказывания есть какой-то логический разрыв. Например, в цитированном выше примере: «Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь попросту». Какая связь между жаркой погодой и тем, что знает Фриско де Морфе? В английском языке интонационная пауза часто никак не обозначается, иногда обозначается запятой или тире. Например, в следующей фразе, где тоже в обоих переводах появилось многоточие, в подлиннике тире:

— Дьявольщина, не будь я... Нет! (*Пер. Серпинского, стр. 35*).

— Клянусь святым... нет, что ты! (*Пер. Озерской, стр. 32*).

Так, с ужасом восклицает приехавший на прииски Билл Джеррити, когда товарищ предлагает ему потрянуть стариной и пойти в заведение Берты Кувалды. Но здесь переводы настолько несхожи и первый так выдает беспомощность переводчика, что эксперты МГУ не заметили наличия многоточий в обоих переводах. Не заметили они и того, что в переводе первой части трилогии Причард «Девяностые годы» многоточие встречается ровно 30 раз там, где его нет в подлиннике. Озерская, переводившая и этот роман (вместе с В. Станевич), использовала тот же прием для передачи интонационных пауз в тексте.

Центральное место в иске занимает обвинение Озерской в том, что она заимствовала переводческие «находки» С. Серпинского общим числом 99. Что и говорить, цифра

внушительная. Но тщательное сопоставление двух переводов с подлинником опрокидывает это обвинение. Во-первых, подавляющее большинство этих «находок» оказывается стандартным переводом стандартной английской фразеологии. Это те соответствия, которые можно найти в словаре В. К. Мюллера или в Англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина. Например, 'он жил на широкую ногу' (he lived in grand style); 'откуда вы взялись?' (where did you spring from?); 'не терпится. выскочить замуж' (eager to get married) и даже такие штампы, как 'игра не стоит свеч', 'сойти с рук', 'уплывать за море', 'черта с два' и т. п.

В перечне «находок» было отмечено около десятка выражений, которые действительно могли бы сойти за индивидуальное, оригинальное решение переводческих трудностей, так как двуязычными словарями они не предусмотрены. На них-то и было сделано истцом и экспертами МГУ особое ударение, как на неопровержимое доказательство плагиата. Как они неоднократно заявляли, случайность совпадения переводов совершенно исключается.

О переводческом эксперименте

Чтобы проверить, возможны ли случайные совпадения при переводе отдельных словосочетаний и выражений, нашей комиссией был проведен переводческий эксперимент. Пятидесяти двум студентам трех факультетов I-го МГПИИЯ были даны для письменного перевода два упражнения, состоящие из отдельных предложений, включающих упомянутые выражения. Конечно, для эксперимента были отобраны лишь такие выражения, перевод которых возможен без широкого контекста. Вот первое из этих предложений:

«Свежий воздух оживил шахтеров, и мысль о кружке пива в ближайшем кабаке заставила сильнее биться вялый пульс». (*Пер. Серпинского, стр. 93*).

«Первые глотки свежего воздуха действовали живительно, а мысль о кружке пива в соседнем кабаке заставляла кровь быстрее бежать по жилам». (*Пер. Озерской, стр. 93*).

В английском тексте слова 'кружка' нет, но 18 человек из переведивших эту фразу 22-х вставили это слово, то есть 82%. Следовательно, это не случайность, а закономерность русского словоупотребления.

При переводе второй фразы: «После ночной смены он чувствовал себя, как крыса, выползшая *на свет божий* из канализационной трубы» — выражение '*на свет божий*' (вместо английского «на свет дня») совпало у 36% писавших. В переводе третьей фразы: «...шахтеры спустились по веревочной лестнице, на которой *не удержалась бы* даже и муха»—61% писавших заменили буквальное «за которую не могла бы уцепиться и муха». Наконец, даже сугубо контекстуальный перевод междометия *hasn't got a bloody dog's chance!* «черта с два!» совпал у шести писавших из восемнадцати (то есть 33%). Совпадения получились и в остальных случаях, при переводе таких фраз (совпавшие места выделены): «...человек не может *отгородиться от жизни*», «нет лучшего способа, как *потереться в их обществе*», «с какой *подчеркнутой вежливостью* он обращался с ней», «а мы как раз собирались посылать за тобой», «а *ну-ка пощупай*». Правда, совпадения в переводе этих четырех фраз были менее часты. Только при переводе одной фразы из десяти ни у одного из писавших упражнение не получилось варианта, совпавшего в переводах Серпинского и Озерской: «Что, по шпаргалке жаришь, Джо?», хотя и был близкий вариант: «С чужого голоса поешь, Джо?» Буквально в английском тексте: «Проглотил словарь, Джо?»

Таким образом, эксперимент полностью опровергает утверждение экспертов МГУ, что совпадения контекстуальных переводов исключаются.

Маскировка плагиата?

Для подкрепления своей шаткой аргументации истец выдвинул против Т. Озерской обвинение в «маскировке плагиата», и в этом его поддержали эксперты МГУ. На стр. 57—58 судебного Дела приводится список «примеров замещения синонимов» в переводе Озерской, якобы имеющих целью «замаскировать плагиат». Приводим этот список полностью:

<i>у Серпинского</i>	<i>у Озерской</i>	<i>у Серпинского</i>	<i>у Озерской</i>
потом	затем	имморти	бессмертники
почему	зачем	ревела	выла
Кассиди Холм	Кассиди Хилл	собрание	митинг
хелло!	привет!	рояль	фортепьяно
рыдает	плачет	Газета «Уоркер»	газета «Ра- бочий»

Совершенно очевидно, что такой список «маскировочных синонимов» можно было бы продолжить до бесконечности, взяв их из любых двух переводов одного и того же произведения.

Поскольку 308 000 из 337 000 слов в переводе Озерской не совпадают с переводом Серпинского, истец мог бы с таким же основанием считать все эти 308 000 слов «маскировкой плагиата». Может быть, за одним исключением: в гостиниой Мак Суини было фортепьяно, как об этом упоминалось в первой части трилогии Причард «Девяностые годы» в переводе Озерской, а не рояль¹².

При сличении переводов для установления их самостоятельности большое значение имеет сходство или различие синтаксического рисунка, особенно же там, где грамматические средства используются автором в стилистических целях. Необходимо отметить совершенно различный подход переводчиков «Золотых миль» к передаче синтаксической ткани произведения. В переводе Серпинского — явная склонность к синтаксическому буквализму. Переводчик часто попадает в плен английской конструкции предложения. Сложноподчиненное предложение остается в его переводе сложноподчиненным, сложносочиненное — сложносочиненным, прямой порядок слов — прямым, обратный — обратным. Даже специфические конструкции английского языка с единым подлежащим (централизованные конструкции) передаются им дословно. В результате у него нередко получаются тяжеловесные, рыхлые предложения, стилистически неполноценные, затемняющие смысл высказывания.

Напротив, Озерская часто творчески перерабатывает английскую фразу, сообразуясь с законами русского языка и естественным течением мысли. Вот несколько примеров:

“Tom was thinking about that, and what Nadia had been saying the night before, about this war that was brewing...” (p. 95).

«Том думал об этом, думал и о том, что говорила ему Надя...» (Пер. С. Серпинского, стр. 91).

«Том крепко задумался над словами Тэда; ему припомнилось, что и Надя говорила о назревающей войне». (Пер. Т. Озерской, стр. 91).

¹² Англичане обычно пользуются одним словом piano, дифференцируемым при переводе на русский язык.

“Ted worked stripped to the waist, as Tom was, and cursed the ventura which was out of order; but he was pleased with the rock he had brought down” (p. 96).

«Тэд работал, скинув рубаху, как и Том, и проклинал испорченный вентилятор, зато радовался, что попал на хорошую жилу». (Пер. Серпинского, стр. 92).

Это наивное противопоставление (‘проклинал вентилятор, зато радовался’) никак не подсказывается текстом. Иначе у Озерской:

«Тэд, так же как и Том, скинул рубаху и работал голый по пояс, проклиная вентилятор, который вышел из строя. Впрочем, он был доволен отбойкой — напал на хороший пласт...». (Пер. Озерской, стр. 92).

Чтобы не получилось противопоставления, Озерская вообще разбила предложение на два.

Озерская нередко прибегает к замене косвенной речи несобственно прямой, что вполне оправдывается и общим стилем повествования, и тем, что автор дает речевые характеристики и в косвенной речи. Перевод повествования в несобственно прямую речь придает изложению выпуклость и яркость.

“Of course, she knew Tom had a good head on his shoulders” (p. 54).

«Разумеется, у Тома незаурядные способности — ей ли этого не знать». (Пер. Озерской, стр. 49).

И буквальное воспроизведение английской фразы в другом переводе:

«Конечно, Салли знала, что у Тома хорошая голова на плечах». (Пер. Серпинского, стр. 51).

“Dick had the brains, his mother was sure” (p. 53).

«Конечно, Дик способный малый — Салли в этом не сомневалась». (Пер. Озерской, стр. 49).

«Мать никогда не сомневалась в том, что Дик способный мальчик». (Пер. Серпинского, стр. 50).

Грамматический буквализм нередко приводит Серпинского к косноязычию:

«Но Пэдди протянул деньги столь величественным жестом, что она не нашла слов для ответа; ей очень хотелось рассмеяться ему в лицо и отказаться от такого фальши-

вого благородства, но нужно было думать об образовании Дика, а потому не следовало пренебрегать никакой суммой, если ее можно добавить к сбережениям для этой цели». (Пер. Серпинского, стр. 51).

“But Paddy tendered it with such a magnificent gesture, she was taken aback: would have liked to smile and reject his spurious generosity. There was Dick’s education to think of, however, and no sum of money was to be disdained if it added to her fund for that purpose” (p. 54).

Легко и естественно звучит эта фраза в переводе Озерской, где стилистически отточенно передана несобственно прямая речь:

«Но Пэдди таким величественным жестом протянул ей эту бумажку, что она растерялась. Ей хотелось рассмеяться ему в лицо и отвергнуть его мнимые благодеяния, но мысль о Дике остановила ее. Нет, она не имеет права отказываться от этих денег сейчас, когда дорог каждый пенни». (Пер. Озерской, стр. 50).

Стоит привести еще один пример, где особенно важно было передать живые интонации несобственно прямой речи:

“His mother was dismayed at the prospect of Dick having to undertake the responsibilities of a home of his own while he was still so young and had such a small salary. But Laury, it seemed, agreed with Amy that she and Dick might as well be married, as remain engaged for a long time, or until he got a better position” (p. 21).

«Салли беспокоила мысль, что Дику придется стать главой семьи, а он еще так молод и совсем необеспечен. Но Лора как будто соглашалась с Эми, что им лучше пожениваться, чем оставаться помолвленными в ожидании, пока Дик не займет более выгодного положения». (Пер. Серпинского, стр. 20).

Пример наглядно показывает, что Серпинский не замечает несобственно прямой речи в оригинале и не передает ее. Копируя многоэтажную структуру английского предложения, он не только обесцвечивает повествование, но превращает его в какую-то жвачку. Иное дело у Озерской:

«Миссис Гауг была далеко не в восторге от того, что ее Дик так рано, еще не оперившись, должен обзавестись своим домом и взвалить себе на плечи все тяготы семейной жизни. Но Лора, по-видимому, была на стороне Эми.

Раз уж они обручены, так почему бы им не пожениться; неизвестно, когда-то еще Дику прибавят жалование и сколько им придется ждать». (Пер. Озерской, стр. 16).

Английское *might as well* дает полное право толковать дальнейшее как мысли Лоры и перевести фразу в план несобственно прямой речи, что и сделано в переводе Озерской.

В общем, проанализировав и сопоставив синтаксический рисунок обоих переводов, комиссия установила, что перевод Озерской резко и принципиально отличается от перевода Серпинского полным отсутствием грамматического буквализма, частым изменением грамматических категорий подлинника и широким применением несобственно прямой речи. В то же время перевод Озерской прекрасно передает живые интонации речи персонажей и авторского повествования и непосредственно связан с подлинником.

К приведенным выше пространным примерам стоит вернуться совсем по иному поводу. Они неопровержимо доказывают, что и в отношении выбора слов перевод Озерской не стоит ни в какой зависимости от перевода Серпинского. В самом деле, в последнем примере сколько слов в переводе Озерской совпадают с переводом Серпинского? Только одно-единственное слово из 73-х — „пожениться“! Все остальное переведено иначе. В первом переводе: «Салли беспокоила мысль», во втором: «Миссис Гауг была далеко не в восторге», в первом: «что Дику придется стать главой семьи», во втором: «что Дик должен обзавестись своим домом», у Серпинского: «Но Лора как будто соглашалась с Эми», у Озерской: «Но Лора, по-видимому, была на стороне Эми», у Серпинского: «им лучше пожениться, чем оставаться помолвленными», у Озерской: «Раз они обручены, так почему бы им не пожениться?»

И несмотря на такое резкое расхождение переводов, истец и его защитники утверждают: раз слово 'пожениться' совпадает, стало быть оно украдено. А остальные 72 слова — маскировка плагиата?

Об ошибках в сопоставляемых переводах

Несмотря на редакторскую правку (к сожалению, в издательстве не сохранилось рукописи и потому установить, какова была эта правка, оказалось невозможно), мы насчитали в переводе Серпинского свыше трехсот ошибок, неточностей и неоправданных отступлений от подлин-

ника, не говоря уже о многочисленных и тоже ничем не оправданных пропусках отдельных слов и выражений, по-видимому просто не понятых переводчиком.

Нельзя сказать, что и перевод Озерской абсолютно безупречен. В нем также есть мелкие неточности и отступления от подлинника. В общей сложности их не более двадцати. И все они иные, чем ошибки Серпинского. Вот характерный пример:

Перевод Серпинского

Золото не давалось Моррису в руки, он считал себя неудачником, хотя еще и возился с акциями. Салли не сердилась, если он иной раз впадал в азарт. Но в остальном он чувствовал себя удовлетворенным. Жизнь научила его тому, к чему многие только стремились, но никогда не достигали,— здравому смыслу, не позволявшему желать больше того, что могла дать проза будничного существования. И все же это существование не было таким уж будничным: с ним была Салли и мальчики; они создавали ощущение семейного счастья (стр. 37—38).

Перевод Озерской

Но Моррису не везло, и он решил, что, значит, не судьба. Впрочем, он и сейчас еще изредка поигрывал на бирже, и Салли мирилась с этим, понимая, что ему необходима время от времени встряска. Моррис в сущности был доволен своим существованием; он достиг того, что недоступно большинству, ни к чему больше не стремился, довольствовался тем немногим, что у него было. В конце концов, благодаря Салли и сыновьям, жизнь его была не так уж однообразна и уныла. Знать, что у тебя крепкая и дружная семья,— уже счастье (стр. 35).

Проанализировав около двадцати больших абзацев в переводе Озерской и Серпинского, мы поняли, почему процент совпадающей лексики и фразеологии в них так ничтожен (9% по сравнению со средним показателем совпадений 42% в сопоставленных переводах, как это указывалось на стр. 45). Когда переводы выполняются на высоком профессиональном уровне опытными переводчиками, то часто они избирают тот оптимальный вариант, который как бы напрашивается для передачи мысли на русском языке. Но когда перевод ремесленный, сделанный неопытной рукой, то оптимальный вариант не используется, и переводчик не попадает

в цель, то и дело давая промах. Вот почему в переводе Озерской так мало совпадений с переводом Серпинского.

Наконец, для доказательства наличия плагиата обвинением использован еще один аргумент: совпадение ошибок. В самом деле, если ошибки и неоправданные отступления от подлинника одного перевода повторяются в другом переводе, то это доказывает, по меньшей мере, что второй переводчик заглядывал в первый перевод. В Приложении № 2 (*стр. 17—21 судебного Дела*) эксперты МГУ приводят 14 примеров «тождественных отступлений от оригинала», которые, по их мнению, «не могут быть случайными» (*стр. 17.*) Правда, часть этих «тождественных отступлений» оказалась вполне закономерной, как, например, неправильное написание имени Олф (Альфред), так как выяснилось, что именно так писалось это имя еще в переводе первой части трилогии Причард «Девяностые годы».

Но эксперты МГУ игнорируют переведенную Озерской первую часть трилогии и потому не учитывают, что переводчик может и должен сохранять известную преемственность в своей работе.

Так, например, они обвиняют Озерскую в слепом подражании Серпинскому, цитируя следующую фразу:

«Билл, конечно, хороший малый. Приглашая его на чашку чаю, Моррис знал, как рад будет Билл познакомить свою жену с миссис Салли». (*Пер. Озерской, стр. 36.*)

Эксперты МГУ пишут: «В оригинале отсутствует слово ‘миссис’, да оно и не может там быть, как и не должно быть в переводе, так как автор передает мысли мужа о своей жене и включение слова ‘миссис’ в перевод ничем не оправдано» (*стр. 19 судебного Дела*).

Но и в первом переводе это роковое слово присутствует:

«Но Билл — славный малый, и когда Моррис приглашал его к чаю, он знал, как приятно будет Биллу познакомить свою жену с миссис Салли». (*Пер. Серпинского, стр. 38.*)

Вполне вероятно, что оба переводчика вставили слово ‘миссис’ для благозвучия. Но эксперты обнаруживают поразительное незнание обычаев стран, говорящих на английском языке: и в Англии, и в США, и в Австралии муж, говоря о своей жене в третьем лице, часто называет ее ‘миссис’. Во всяком случае, Моррис фиц Моррис Гауг, из английской аристократической семьи, делает это. На стр. 245 романа «Девяностые годы» мы читаем: «Уговоры

Фриско еще более укрепили Морриса в его решении. „Миссис Гауг сама этого хочет“, — сказал он».

Каковы же остальные «повторения ошибок, допущенных при переводе первого издания», дающие право экспертам МГУ утверждать, что их «буквальное воспроизведение является совершенно неопровержимым доказательством прямого заимствования (плагиата) перевода из первого издания» (*стр. 13 судебного Дела*)?

Во-первых, все остальные девять «ошибок», о которых говорят эксперты, по существу не являются ошибками, так как ни одна из них не искажает смысла подлинника. Во-вторых, во всех девяти случаях эксперты разбирают перевод отдельных слов. И, наконец, они опять предлагают совершенно ошибочный способ буквального перевода, неприемлемый для перевода художественного произведения.

На стр. 83 у Серпинского: «Говорят, ты в вожаках ходишь в профсоюзе горняков», у Озерской: «...говорят, вожаком заделался в союзе горняков» (*стр. 82*). Хотя австралийское слово означает ‘штатный оратор’, ‘пропагандист’, но в данной ситуации оно, несомненно, означает ‘начальство’, ‘вожак’.

О молодой туземке Маритане на стр. 14—15 оригинала говорится: “Maritana had become a tall, scraggy woman, with skin like dirty brown paper, sagging on her high cheek bones”.

«Маритана стала высокой, тощей женщиной; ее кожа, обтянувшая выступающие скулы, походила на грязную коричневую бумагу». (*Пер. Серпинского, стр. 13*).

«Маритана превратилась в долговязую костлявую женщину; сухая, темная, как оберточная бумага, кожа обтягивала выступающие скулы». (*Пер. Озерской, стр. 9*).

В этой фразе эксперты считают ошибкой слово ‘обтягивала’ и предлагают свой, более «естественный» перевод: «обвисавшая на ее выступающих скулах кожа» или «свисающая складками» кожа (*стр. 18 Дела*), что было бы несуразно. Кстати, они не заметили ошибки Серпинского: brown paper по-английски: ‘оберточная бумага’, как не заметили и нелепости: взрослая женщина ‘стала высокой’.

Явно не выдерживает критики и третий пример «повторенных ошибок»: “...there’s nothing Paddy can fasten on him” (р. 48). Оба переводчика написали ‘повредить’, а не ‘пришить’, как предлагают эксперты.

В четвертой фразе: «Она сообщила Тому о своей раз-молвке с Пэдди и обо всех его намеках» (*пер. Серпинского, стр. 67*), слово 'намеки' совершенно закономерно взято из предшествующего изложения. Пэдди действительно намекал на то, что если он попадет в незаконной скупке золота, то мужу и сыновьям Салли тоже не сдобровать. Эксперты МГУ опять предлагают дословный перевод: «и что Пэдди сказал о нем и его отце» (*стр. 20 Дела*), что ровным счетом ничего не говорит читателю.

Никак нельзя признать ошибкой перевод Озерской и в шестом примере:

«Лучше быть неотшлифованным алмазом, чем поддельным бриллиантом» (*стр. 54*).

«Лучше быть неотшлифованным бриллиантом, чем модной подделкой». (*Пер. Серпинского, стр. 55*).

Неотшлифованных бриллиантов не бывает. Эксперты МГУ предлагают свой перевод: «... чем фатом, щеголяющим показным блеском» (*стр. 20 Дела*).

Однако нелепо сравнивать бриллиант (или алмаз) с... фатом. В переводе Озерской логика сравнения восстановлена.

Выхватывая отдельные слова и обрубки фраз из текста для доказательства плагиата, эксперты МГУ сделали особое ударение на совпадении следующей, как они полагают, ошибки:

«... и слишком большой дурак, чтобы понимать это». (*пер. Серпинского, стр. 34*).

«Этакого дурака чуть не сваял». (*Пер. Озерской, стр. 32*).

На первый взгляд можно действительно принять такой перевод за ошибку, если считать, что каждое слово должно переводиться отдельно. Эксперты полагают, что Серпинский ошибся, приняв слово full за fool, а Озерская просто списала его ошибку. Но сопоставим оба перевода высказывания в целом:

«Дубина, вот кто я был.— У Динни на лице изобразился ужас.— И слишком большой дурак, чтобы понимать это. Девчонка удрала с моим чеком на тысячу фунтов. Как подумаю, что был на волосок от гибели, перестаю жалеть о деньгах». (*Пер. Серпинского, стр. 34*).

«Помилуй бог, было такое дело! — на лице Динни отразился испуг. — Этакое дурака чуть не свалил, да девчонка удрала с моим чеком на тысячу фунтов. Как подумаешь, что был на волосок от гибели, так и денег этих не жалко». (Пер. Озерской, стр. 32).

“Gord, so I was.” Dinny looked scared. “And too full to know it. The girl got away with my cheque for 1.000. When I think of the narrow escape I had, I don’t begrudge her the money” (p. 37).

В данном случае можно легко допустить, что оба переводчика в силу понятного психологически смешения слов одинаково неправильно прочитали *fool* вместо *full*. Но в целом фраза передана в двух переводах по-разному.

Тот факт, что из трехсот с лишним ошибок и неточностей в переводе Серпинского по существу встречается в переводе Озерской только одна, лишний раз свидетельствует о самостоятельности перевода Озерской.

О передаче художественного замысла автора

Не углубляясь в стилистический анализ обоих переводов, мы считаем необходимым в заключение отметить, как по-разному оба переводчика раскрывают содержание романа. У Серпинского в среднем не меньше двух ошибок на каждой из 114 страниц перевода. Ему ничего не стоит ругательство превратить в лошадь, о спекулянте-биржевике сказать, что он хочет купить любовь молодой девушки, как скот на рынке (*s’ock*, конечно, пакет акций). Но гораздо важнее, что он искажает идейную направленность романа. Вот некоторые примеры:

«Может быть, я старый болван, говорил он себе; ведь я до сих пор считал, что рабочий класс Австралии неплохо действовал в прошлом, а сейчас может создать новый закон и порядок путем постепенного изменения капиталистической системы или добиться реорганизации профсоюзов по плану Чарли О’Рэйли». (Пер. Серпинского, стр. 77).

У Озерской ошибки нет: Динни Куин вовсе не ставит на одну доску изменение капиталистической системы и... реорганизацию профсоюзов:

«Быть может, я старый дуралей, думал Динни, но мне как-то не верится, что рабочий класс Австралии, который

совсем неплохо боролся за свои права в прошлом, не сумеет добиться новых порядков и законов путем постепенных преобразований капиталистической системы или хотя бы путем реорганизации профсоюзов по плану Чарли О'Рейли» (стр. 76).

В переводе Серпинского вдова рудокопа, погибшего в шахте, жалуется: «Ух, как трудно мне было бы раздобыть у этих толстопузых грабителей на похороны моего старика» (стр. 68).

Можно подумать, что „толстопузые грабители“, то есть шахтовладельцы, жертвуют на похороны своих рабочих. В действительности она жалуется на другое:

«...Если бы не вы, мистер Гауг, так просто и не знаю, где бы я взяла денег похоронить моего старика. Ведь все эти обдиралы из нового похоронного бюро рады случаю набить себе карман за счет убитых горем вдов и несчастных сирот». (Пер. Озерской, стр. 67).

В обвинительном акте против Озерской фигурирует «кража» слов ‘мой старик’ из этой фразы, которая в переводе Серпинского искажена. Таких случаев десятки: истец и его помощники были лишены возможности ссылаться на какие бы то ни было фразы целиком: приходилось пользоваться обрубками фраз, чтобы не демонстрировать ошибок первого перевода.

На стр. 74 Серпинский спутал «Международное товарищество рабочих» с «Индустриальными рабочими мира». Там же читаем:

«Мысль о тяжелой работе под землей приводила его в отчаянье. Он был уверен, что в конце концов доведет десятника и штейгера до такого бешенства, что все равно придется уволиться». (Пер. Серпинского, стр. 74).

На самом деле Чарли вовсе не собирается увольняться по собственному желанию. Правильно у Озерской:

«Рано или поздно все кончалось тем, что он такого наговорит штейгеру или десятнику, что его тут же вышвырнут вон» (стр. 73).

Тому Гаугу, этому лучшему представителю сознательных рабочих, вообще не повезло в переводе Серпинского, который безо всяких оснований сделал его циником:

- Эми не терпится выскочить замуж?— спросил Том.
- Чем скорее, тем лучше,— говорит она.

— Превосходно, что же тут плохого? Это что-нибудь да значит, когда девушка так и рвется (*стр.* 80).

Но в английском подлиннике *is willing*, в чем нет и тени цинизма. Кроме того, Том не мог цинично говорить о невесте брата, которого он «слепо и беззаветно обожал» (*стр.* 83). Поэтому зря истец упрекает Озерскую в том, что у нее: «...когда девушка так и рвется к тебе».

Даже образ главной героини романа Салли Гауг искажен в переводе Серпинского, который делает ее набожной христианкой. Пьяный горняк Динни Куин говорит ей:

«А священники только и твердят беднякам — вы уж меня, хозяйка, простите: „На земле тебя обидели, на небе воздастся“» (*стр.* 109).

Получается так, будто Динни просит извинения за то, что оскорбил ее религиозные чувства. На самом деле он извиняется совсем по другой причине:

— А попы долбят нам в уши, что за нашу дермовую...— прошу прощения, мэм,— жизнь на земле нам воздастся сторицей на небе. (*Пер. Озерской, стр.* 110).

В подлиннике действительно довольно грубое словцо.

Общий вывод из сопоставления переводов был сделан еще 25 декабря 1960 г. профессором Р. М. Самариным, который написал, что после тщательного ознакомления с обоими переводами он пришел к выводу, что «...художественные особенности работы Т. Озерской настолько отличаются от манеры перевода С. Серпинского, что вопрос о плагиате, на мой взгляд, отпадает».

Выводы комиссии экспертов 1-го МГПИИЯ обсуждались на заседании кафедры перевода 25 апреля 1961 г. и были утверждены единогласно.

Московский городской суд в заседании от 25 октября 1961 г. под председательством члена коллегии Б. М. Калабина постановил в иске Серпинскому отказать. Интересна мотивировка суда:

«...Перевод Озерской резко отличается от перевода Серпинского по творческим приемам и художественным качествам и синтаксическому рисунку... Лексические и фразеологические совпадения в двух переводах носят закономерный характер как постоянные соответствия в английском и русском языках или как контекстуальные соответствия, подсказанные конкретной ситуацией» (*лист 457-й судебного Дела*).

Остается сказать несколько слов об эпилоге этого процесса. С. Серпинский обжаловал решение Мосгорсуда, требуя признать заключение экспертов МГПИИЯ недействительным. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР в судебном заседании от 8 декабря 1961 г. определила: «Решение Мосгорсуда от 25 октября оставить в силе, а жалобу С. Серпинского — без удовлетворения».

На этом можно поставить точку.

*В. Рогов**
(Москва)

В. БРЮСОВ. НЕИЗДАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

Значение Валерия Яковлевича Брюсова для развития русской поэтической культуры XX века огромно.

Всеобъемлющий поэт, тонкий и проникновенный исследователь, он был также первоклассным мастером перевода.

К числу главных заслуг Брюсова относится воистину подвижнический труд по ознакомлению русского читателя с армянской поэзией. Созданная им антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»¹³ стала образцом для многочисленных антологий поэзии народов СССР, изданных и издаваемых у нас в послереволюционный период. На декаде армянского искусства и литературы, происходившей в Москве в 1956 году, Брюсов был по справедливости назван «классиком дружбы народов».

Брюсовская «Поэзия Армении» — антологический шедевр. Помимо редакции и организации переводов (к участию в антологии он привлек крупнейших поэтов того времени) им была написана блестящая вступительная статья «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков»; в сотрудничестве с Кареном Микаэляном составлен обширный аппарат. Больше половины всех включенных в антологию произведений перевел он сам — за три месяца!

* Подготовка текста и вступительная статья.

¹³ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, М., 1916.

В числе его переводов с армянского очень и очень многие вошли в «золотой фонд» русского перевода.

Но это все известные факты. Не лишним будет сообщить нечто менее известное.

Прежде всего интересно отметить, что все в той же «Поэзии Армении» ряд переводов Брюсова напечатан под псевдонимами В. Бакулин и В. Спасский. Поэт воспользовался псевдонимами из чувства скромности, не желая загромаждать оглавление своей фамилией. И вот любопытное обстоятельство: в последующих изданиях армянской поэзии составители и редакторы не догадались о триединстве Брюсова, Бакулина и Спасского. В «Антологии армянской поэзии»¹⁴ фамилии Бакулин и Спасский красуются в оглавлении, хотя тот же Бакулин мог бы натолкнуть заинтересованных лиц на правильную мысль (Бакулина — девичья фамилия матери Брюсова). Мало того, в этом же издании три перевода, подписанные в «Поэзии Армении» Брюсовым (стихотворение Дуряна «Ропоты», сонет Иоаннисиана «Над ручьем» и «Сонет с кодою» Мецаренца), напечатаны за подписью В. Бакулин, что, мягко выражаясь, удивительно. В сборнике «Поэзия Армении в переводах В. Я. Брюсова»¹⁵ ни один перевод «Бакулина» и «Спасского» напечатан не был, так что это своевременное и нужное издание, увы, в известной мере грешит неполнотой¹⁶. А ведь каждый перевод В. Я. Брюсова с армянского важен и ценен для нас не только как высокохудожественное произведение, но и как историко-культурный документ, свидетельствующий о давней и нерушимой дружбе русского и армянского народов.

Именно поэтому несомненный интерес представляют для нас неизданные переводы В. Я. Брюсова с армянского.

Среди ряда черновых, незавершенных фрагментов в архиве поэта находятся несколько законченных переводов. Почему они не вошли в «Поэзию Армении»?

¹⁴ «Антология армянской поэзии», Гослитиздат, 1940.

¹⁵ «Поэзия Армении в переводах В. Я. Брюсова», Ереван, 1956.

¹⁶ Только во время подготовки данной статьи мы узнали, что было сделано первое раскрытие брюсовских псевдонимов: стихотворение Александра Цатуряна «Бедный вор», изданное ранее в «Сборнике армянской литературы под редакцией М. Горького» (Пг., 1916) за подписью В. Спасский, в сборнике стихотворений А. Цатуряна (Л., 1958) опубликовано под настоящей фамилией переводчика.

Некоторые — потому, что взыскательный, неизменно требовательный к себе поэт счел их несовершенными; некоторые не были включены в сборник по композиционным соображениям; наконец, некоторые могли быть переведены по сдаче работы в печать.

Своя история у брюсовского перевода стихотворения Аветика Исаакяна «Внемлите все тоске моей». Как сообщает вдова поэта Иоанна Матвеевна Брюсова, перевод этого стихотворения, присланный из Петрограда Вячеславом Ивановым, не удовлетворил Валерия Яковлевича неверной передачей интонации оригинала, неудачно выбранным размером и, если можно так выразиться, денационализацией подлинника¹⁷. Прочитав ивановский перевод, Брюсов взял перо и сразу же, буквально за несколько минут, перевел стихотворение заново. Но соображения составительской этики воспрепятствовали Брюсову включить в антологию свой перевод в ущерб Иванову, которому перевод этого стихотворения был *заказан*; брюсовский перевод не был помещен даже в приложении и до настоящей публикации оставался неизвестным читателю. (В советское время переводы этого стихотворения на русский язык выполнены В. К. Звягинцевой и М. К. Павловой.)

Иная судьба у брюсовского перевода стихотворения константинопольского поэта Петроса Дуряна «Истинное страдание». Он был напечатан только один раз: в газете «Утро России» от 14 февраля (ст. ст.) 1916 г. В «Поэзии Армении» это стихотворение помещено в переводе К. Д. Бальмонта, озаглавленном «Моя скорбь». Мы не знаем, был ли брюсовский перевод таким же актом полемики, как перевод из Исаакяна (перевод Бальмонта, публиковавшийся и ранее, очень далек от оригинала), побоялся ли Брюсов превышения составительских полномочий или перевел это стихотворение после сдачи текстов в печать. Но мы знаем, что кроме «Утра России» этот перевод не был напечатан нигде! В «Антологии армянской поэзии» поместили перевод Бальмонта... Поэтому мы и сочли справедливым включить в нашу публикацию этот брюсовский перевод, формально изданный, но фактически совершенно неизвестный.

¹⁷ Переводы Вяч. Иванова с армянского вообще отличались этим недостатком. Недаром Ованес Туманян сказал ему, что Ануш в его переводе одноименной туманяновской поэмы превращена в блондинку.

Все стихотворения, здесь публикуемые, взяты из архива В. Я. Брюсова, ныне переданного в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина.

Стихи, за немногими исключениями, печатаются в неизменном виде. «Отрывок» Константина Ерзынкаци является сводом двух вариантов брюсовского перевода. «Истинное страдание» Дуряна сверено с газетным текстом. Произведено некоторое упорядочение пунктуации. Имена авторов приводятся не в транскрипции Брюсова, а в позднейшей, принятой в наше время.

Все неизданные переводы В. Я. Брюсова представляют, несомненно, значительный интерес и обладают высокими художественными достоинствами. Пусть некоторые места в них не отшлифованы — не это важно. Нам интересна их каждая строка, любая капля в необъятном море брюсовского труда по сближению русской и армянской культур, труда, за который Брюсов был по заслугам удостоен высокого почетного звания народного поэта Армении.

Константин Ерзынкаци
XIII—XIV вв.

Отрывок

Как розы стройный куст, возник
Передо мной твой дивный лик.
Вовек ни отрок, ни старик
Красы подобной не постиг.

Весь день свою любовь таю,
Увидеть жажду тень твою,
Чуть вспомню, снова слезы лью:
Ты душу унесла мою!

Лишь аромат твой разлился,
Как потерял свой разум я;
Лишь мне предстала тень твоя,
Огня влилась в меня струя.

Как полная луна, светла,
Раскинув косы вокруг чела.
Ах! Многих ты с ума свела,
Меня своим лучом зажгла.

Каменьев драгоценный ряд
К ее груди приникнуть рад;
Ее благоуханен взгляд,
Как розами расцветший сад.

Не жаждать я ее не мог:
Так жаждет свежих рос листок,
Так ждем мы в первый вешний срок,
Чтоб с юга дунул ветерок.

Я в основанье сокрушен;
Что было жизнью, стало — сон;
Печаль — отныне мой закон,
Души тоска и сердца стон.

* * *

Наанет Кучак
XVI в.

Четверостишие

Твои ланиты — цвета роз, глаза черны, чернее бровь,
Как мрамор плечи, грудь нежна, но вот ее ты скрыла вновь,
Но смерть поглотит в ночь одну, ах! алость всю, всю белизну!
Червей могильных не томи, но мне отдай — свою любовь.

* * *

Ашуг Лункианос
XVIII—XIX вв.

Мечта

Когда избранные на небеса взойдут,
Блаженство жданное они в раю найдут,
Златочеканные венцы приобретут,
И перстни на руки — рубин и изумруд.
Споет хваление хор ангелов и дев,
Влагая в пение божественный напев,
И, в умилении таинственном сгорев,
Возблещут чистые, как звезды заалев.

О сокровенная мечта, венец мечтам!
Присноблаженная, введи меня во храм,
В сады нетленные к блаженным небесам,
Неизреченный мне вдохнуть дай фимиам!¹⁸

* * *

Петрос Дурян
1851—1872 гг.

Истинное страданье

Всегда встречать иссякший ключ;
Томиться жаждой ожиданья;
Как стебель, вянуть в цвете лет —
О нет, не это есть страданье!

Свой бледный, свой холодный лоб,
Не знавший жгучего лобзанья,
На мертвый камень положить,—
О нет, не это есть страданье!

Ни разу не прикинувшись к той,
Кто вся — улыбка, обаянье,
Обнять бесстрастие земли,—
О нет, не это есть страданье!

Не облегчив души больной
Сном, полным сладкого мечтанья,
Уснуть под земляным плащом,—
О нет, не это есть страданье!

Жить в подземельи, в нищете,
Где смрадом стеснено дыханье,
Всегда терпеть, всегда болеть,—
О нет, не это есть страданье!

Но в мире быть сухим листом
И, гнет народного страданья
Не облегчив, неизвестно пасть,—
О, только это есть страданье!

¹⁸ Вариант последней строки: «Дай мне вдохнуть неизреченный фимиам».

Внемлите все тоске моей!
Ты, гиацинт! Вы, розы гор!
В саду поющий соловей
И ветры, бьющие простор!

Померкло небо, нет земли,
Бездомен, нищ, рыдаю я!
Яр¹⁹ увели, джан увели,²⁰
Навзрыд, навзрыд рыдаю я.

Ах, яр моя! Ушла ты вдаль,
Меня забыла и ушла,
Мою тоску, мою печаль
Не исцелила и ушла.

Внемлите все тоске моей!
Ты, гиацинт! Вы, розы гор!
В саду поющий соловей
И ветры, бьющие простор!

¹⁹ Яр — возлюбленный (ая).

²⁰ Джан — слово, означающее и 'душа' и 'тело'; употребляется как ласкательное.

III. Вопросы лексикографии

Л. Бархударов
(Москва)

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КРАТКИХ СЛОВАРЯХ*

Общеизвестно, какую важную роль играют словари в работе всякого, имеющего дело с иностранными языками,— будь то переводчик, преподаватель, студент или школьник, изучающий иностранный язык, или просто любой человек, читающий литературу — художественную, общественно-политическую или научную — на неродном языке. Огромный размах, который приобрели в наше время изучение иностранных языков и практика перевода в Советском Союзе, породил насущную потребность в хороших, полноценных словарях, без которых работа над языком является, по существу, невозможной.

К сожалению, приходится констатировать, что в этой области далеко не все обстоит благополучно. Дело в том, что Государственное издательство иностранных и национальных словарей, на ответственности которого лежит издание словарей по иностранным языкам, в течение многих лет уделяло основное внимание выпуску массовым тиражом кратких словарей с ограниченным по объему словником. Таковыми являются, например, «Англо-русский сло-

* Печатается в порядке обсуждения.

варь» под редакцией О. С. Ахмановой (20 000 слов), «Англо-русский словарь» под редакцией В. Д. Аракина (около 34 000 слов) и аналогичные словари по другим языкам. Эти словари издаются массовыми тиражами: так, словарь под редакцией О. С. Ахмановой в 1955 году вышел в свет девятым изданием тиражом в 300 000 экземпляров; в 1957 году выпущено десятое издание этого словаря тиражом в 200 000 экземпляров, в 1959 году — одиннадцатое издание тиражом в 300 000 экземпляров и т. д.

Между тем следует признать, что краткие словари, подобные вышеназванным, страдают серьезными недостатками, причем такими недостатками, которые ставят под сомнение практическую ценность такого рода словарей. Постараемся показать это на примере «Англо-русского словаря» под редакцией О. С. Ахмановой.

Как сказано в предисловии, этот словарь «предназначается для изучающих английский язык, в частности для учащихся средней и высшей школы, и имеет целью помочь в переводе текста средней трудности». Такая постановка вопроса вызывает недоумение. Прежде всего, о какой высшей школе идет речь? Речь не может идти о языковом вузе, в котором учащиеся с самого начала обучения должны ориентироваться на работу не с кратким словарем, который в силу своей ограниченности не годится для языкового вуза, а с несравненно более полноценным словарем типа словаря проф. В. К. Мюллера (70 000 слов). Но речь не может также идти и о неязыковом вузе (например, техническом, сельскохозяйственном и т. д.), где студенты должны научиться чтению специальной — технической, сельскохозяйственной и т. д. — литературы на иностранном языке, чего краткий словарь опять-таки не может обеспечить в силу отсутствия в нем специальной терминологии.

Таким образом, единственным типом учебного заведения, в котором краткий словарь, казалось, мог бы быть применен, является средняя школа. Однако тщательный анализ словаря показывает, что и в средней школе возможности его применения являются крайне ограниченными. В самом деле: для чего нужен англо-русский словарь школьнику и преподавателю языка? В первую очередь, для чтения английских текстов. В предисловии к словарю речь идет о «тексте средней трудности». Откровенно говоря, непонятно, какие тексты здесь имеются в виду. Ведь речь не может

идти о текстах учебных или адаптированных — такие тексты всегда снабжены собственными словарями. Речь, стало быть, может идти только об оригинальных текстах художественного и общественно-политического характера. Однако факты говорят о том, что оригинальные английские тексты с такого рода словарями читать попросту невозможно.

Например, в первых трех главах романа Диккенса «Оливер Твист» (около 30 страниц печатного текста) нам встретились следующие слова, не зарегистрированные в анализируемом словаре: *ablution, beadle, conclave, to draw* в значении ‘пускать кровь’, *elysium, extant, oakum, overwrought* в значении ‘перегруженный деталями’, ‘преувеличенный’, *porringer, regale, sinecure, tableau, temerity, thereon, unwonted* и некоторые другие. В первых двух главах романа Дж. Лондона «Мартин Иден» (около 25 страниц печатного текста) встретились следующие не зарегистрированные в словаре единицы: *ay, baldly, to belie, bloated, bronco, bulkhead, to butt in, chromz, clarion, conundrum, dispepsia, frowzy* в смысле ‘неряшливый’, ‘грязный’, *to impinge, nodule, to objectify, quirk, stew* ‘притон’, *sublimated, throes, turquoise, unwitting, vista* и т. п.

Конечно, можно сказать, что это количественно не так уж много; однако следует учитывать, что многие из этих слов необходимы для понимания широкого или узкого контекста, в котором они употреблены. Стало быть, всякий, приступающий к чтению оригинального, неадаптированного английского текста с первых же шагов убеждается в том, что краткий словарь не дает ему целого ряда слов, зачастую важных для понимания данного текста. Ему приходится отложить этот словарь в сторону и обратиться за помощью к более полному словарю (типа «Англо-русского словаря» В. К. Мюллера), который, можно быть уверенным, в этих случаях не подведет.

На это, казалось, можно было бы возразить, что слова типа вышеприведенных являются редкими и без знания их можно прекрасно обходиться. Но ведь следует иметь в виду, что словарь — не учебник или учебное пособие; в нем должны быть даны не только те слова, которые нужно знать, но и те, которые встречаются и могут встретиться в оригинальной литературе. Известно, что действительно употребительными являются лишь 1,5—2 тыс. наиболее часто встречающихся слов; все

прочие слова, с точки зрения частотности, относятся к разряду малоупотребительных. Как будет показано дальше, в том же словаре весьма много столь же редких и малоупотребительных слов. Тем не менее для чтения оригинальной литературы этот словарь непригоден (а для чтения адаптированной и учебной литературы, как уже было сказано, словаря вообще не нужно).

Отчего же так получается? Получается так оттого, что краткий словарь объемом в 20—30 тыс. слов по своей природе есть словарь не полный и тем самым неполноценный; иным он и быть не может. В самом деле, обратимся к анализу самого словаря. При тщательном ознакомлении с ним создается впечатление, что при отборе словника авторы часто руководствовались только своим субъективным вкусом, произвольно включая в словарь одни слова и исключая другие. Так, в словаре есть *arsenic* 'мышьяк', но нет *bromine* 'бром', есть *Lieutenant-General* 'генерал-лейтенант', но нет *Major-General* 'генерал-майор', есть *multiplication* 'умножение', но нет *subtraction* 'вычитание', есть *dividend* 'делимое', *divisor* 'делитель', но нет *quotient* 'частное', есть *Rumanian* 'румын', *Czech* 'чех', но нет *Serb* 'серб', *Slovak* 'словак', есть *capacitor* 'конденсатор', но нет *resistor* 'сопротивление' и т. д.

В словаре отсутствует целый ряд распространенных, употребительных слов и фразеологических единиц, например *airy* 'воздушный', *appletree* 'яблоня', *acid test* 'серьезное испытание' (фиг.), *to butt in* 'вмешиваться, влезать', *to beggar description* 'не поддаваться описанию', *bulkhead* 'переборка, перемычка', *working people* 'трудящиеся' и т. д. С другой стороны, однако, словарь изобилует редкими, малоупотребительными словами, как, например, *abscission*, *accouchement*, *adipose*, *adjudicate*, *ambidexter*, *bib*, *chouse*, *cap-à-pie*, *ensconce*, *inchoate*, *pellucid* и прочими языковыми редкостями — не слишком ли большая роскошь для словаря на 20 тыс. слов?

Крайне неудовлетворительно составлен список географических названий. В нем нельзя найти таких, например, названий, как *Alabama*, *Alsace*, *Altai*, *Andes*, *Arizona*, *Arkansas*, *Azores*, *Bavaria*, *Bengal*, *Borneo*, *Canterbury*, *Canton*, *Colorado*, *Dardanelles*, *Ecuador*, *Essex*, *Everest*, *Hull*, *Illinois*, *Iowa*, *Java*, *Kentucky*, *Lancashire*, *Leicester*, *Naples*, *Newfoundland*, *Plymouth*, *Sahara*, *Scandinavia*, *Texas*, *West-Indies*, *Yorkshire* и т. д. и т. п. Совершенно непонятно, ка-

ким критерием руководствовались авторы при составлении списка и как они мыслят пользование таким списком, в котором нет доброй половины распространенных географических названий.

Таким образом, создается впечатление субъективизма в отборе лексических единиц, включенных в словарь.

В чем же причины всех этих недостатков? Нам кажется, что основная вина лежит не на авторах, хотя их и следует упрекнуть за недостаточно продуманный и зачастую субъективный отбор лексики; дело в ограниченности объема словаря. Действительно: поскольку перед авторами стоит задача из всего лексического богатства языка отобрать 20 тыс. слов и ни словом больше, постольку поневоле они вынуждены одни слова включать, а другие, совершенно равноценные, отбрасывать — иначе они «не уложатся» в отведенный лимит слов. Полнота — понятие, для словаря синонимичное полноценности, — оказалась принесенной в жертву ошибочному принципу «краткости».

В чем же все-таки усматриваются преимущества краткого словаря? Может быть в его небольшом, удобном для обращения формате? Однако это зависит не столько от объема и разработанности словаря, сколько от качества технической стороны издания. Небольшим, удобным для пользования форматом можно издать и полноценный, подробно разработанный словарь на 50—60 тыс. слов.

В этом отношении немало претензий можно предъявить нашей полиграфической промышленности; например, каким огромным, неудобным форматом выпущен в свет «Русско-английский словарь» под редакцией проф. А. И. Смирницкого (50 000 слов), в то время как, например, изданный за рубежом словарь Funk'a и Wagnalls'a тоже на 50 000 слов (издание 1945 г.) легко умещается в кармане.

Могут сказать, далее, что в кратком словаре легче найти нужное слово. Да, его легко в нем найти, если... оно в нем есть, но если его там нет? Ведь следует помнить, что даже школьнику словарь нужен не для того, чтобы отыскивать в нем знакомые слова из своего школьного минимума — он их и без словаря знает, а для того, чтобы отыскивать там незнакомые ему слова, встречающиеся при чтении о р и г и н а л ь н о й литературы. А как словарь обеспечивает эту сторону, мы уже видели.

На это можно было бы, казалось, возразить, что сам тип «краткого» или «карманного словаря» (англ. Pocket

dictionary) уже давно укоренился в зарубежной лексикографии. Но посмотрим, что имеют в виду за рубежом, когда говорят о «карманном словаре». Так называемый «Карманный Оксфордский словарь» (The Pocket Oxford Dictionary) имеет словник в 60 000 слов; уже упоминавшийся карманный словарь Funk'a и Wagnalls'a (New York, 1945) содержит 50 000 единиц и т. д.

По нашему мнению, давно назрела пора продумать и приступить к созданию системы словарей различного объема, предназначенных для работы с текстами на иностранных языках¹. Представляется, что эта система должна состоять из словарей следующих трех типов: 1) **малого** англо-русского (немецко-русского и т. д.) словаря для изучающих язык, объемом в 45—50 тыс. слов, с подробным грамматическим справочником и соответствующими комментариями; 2) словаря **среднего объема**, примерно в 60—70 тыс. слов (типа ныне существующего «Англо-русского словаря» проф. В. К. Мюллера); 3) **большого** англо-русского (немецко-русского и т. д.) словаря объемом в 80—100 тыс. слов, рассчитанного на переводчиков и преподавателей иностранных языков, со всеми требуемыми приложениями — списками географических названий, сокращений, имен собственных² с указанием произношения, пословиц и «крылатых слов», таблицей английских и американских мер и весов с указанием их эквивалентов в метрической системе и т. д. Такая система словарей³, по нашему мнению, будет в состоянии удовлетворить запросы всех потребителей. Хотелось бы выслушать по этому вопросу мнение всех, кого интересует теоретически или практически постановка словарного дела в нашей стране.

¹ Настоящая статья была уже подготовлена к печати, когда автор смог ознакомиться с «Англо-русским словарем с иллюстрациями» З. Н. Власовой (около 3400 слов). Следует отметить, что сказанное в данной статье не относится к словарям такого типа, представляющим собой весьма полезные учебные пособия по лексике английского языка.

² В том числе и наиболее употребительных фамилий известных английских и американских политических деятелей, ученых, писателей и т. д.

³ Само собой разумеется, что кроме таких общих словарей должны существовать и словари специальные — фразеологические, терминологические, словари слэнга и т. д.

IV. Заметки

Ю. Катцер, А. Кунин
(Москва)

ПЕРЕВОД ПРИЧАСТИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Перевод русских причастий на английский язык представляет сложную теоретическую проблему и ставит перед переводчиком ряд серьезных трудностей.

Рассмотрению некоторых конкретных примеров перевода русских причастий на английский язык и посвящена данная заметка.

Перевод действительных причастий настоящего времени

Действительное причастие настоящего времени обозначает действие, одновременное с действием, выраженным глаголом-сказуемым, и переводится на английский язык при помощи Participle I Active:

Творчество современного писателя, стоящего на позициях социалистического реализма, не может не охватывать темы труда.

The writings of any present-day author **standing on the platform of socialist realism** cannot but deal with the theme of labour.

В данном примере русский причастный оборот имеет ограничительный характер: «...тот писатель, который...», и переводится посредством причастного оборота.

Он может быть переведен и посредством определительного придаточного предложения, не отделенного запятыми:

The writings of any present-day author who stands on the platform of socialist realism...

Такой оборот может переводиться также при помощи конструкции с *with* или посредством причастного оборота:

Группа, имеющая такие блестящие результаты, является гордостью нашего института.

The group with such excellent results is the pride of our Institute. Или The group having such excellent results...

Рассмотрим другой пример:

Мировая социалистическая система, объединяющая ныне около миллиарда человек, могущественна как никогда.

Причастный оборот имеет здесь не ограничительный, а описательный характер. Поэтому он не может переводиться при помощи английского причастного оборота, а только посредством определительного придаточного предложения, стоящего в запятой:

The world socialist system, which now embraces about a thousand million people, is mighty as never before.

Если причастный оборот имеет описательный характер и содержит числительное, то он переводится при помощи конструкции с *with* или посредством определительного придаточного предложения:

Активной силой коммунистического строительства является комсомол, объединяющий более 20 миллионов юношей и девушек.

The Komsomol, with its membership of over 20, 000, 000 young people, is an active force in Communist construction. Или:

The Komsomol, numbering over 20, 000, 000 young people...

В тех случаях, когда действительное причастие настоящего времени обозначает цель, оно переводится при помощи Infinitive или Participle I, например:

Среди этих антенн виден полый алюминиевый стержень, на конце которого укреплен прибор, измеряющий (= для измерения) магнитные поля Земли и Луны.

In the centre of these antennae can be seen a hollow aluminium rod to which is affixed an instrument to measure the magnetic field of the Earth and the Moon. *Или:*

In the centre of these antennae can be seen a hollow aluminium rod to which is affixed an instrument measuring the magnetic field of the Earth and the Moon.

При переводе действительное причастие настоящего времени может опускаться. В первую очередь это относится к тем русским оборотам, в которых причастие может быть опущено без ущерба для смысла всего высказывания, например: машина, принадлежащая Джеку (машина Джека) — Jack's car.

Семантически недостаточно весомое причастие может быть опущено даже в том случае, если в русском языке подобное опущение невозможно, например:

Вопрос, выходящий за рамки данной статьи — a matter beyond the scope of this article.

Но можно также сказать:

A matter lying beyond the scope of this article. *Или:*

A matter which lies beyond the scope of this article.

Перевод действительных причастий прошедшего времени

Русские действительные причастия прошедшего времени переводятся на английский язык следующим образом:

I. Действительное причастие прошедшего времени может обозначать в русском языке действие, одновременное с действием, обозначаемым глаголом-сказуемым, и переводится при помощи Participle I Active или определительного придаточного предложения, например:

В царской России существовало множество причин, тормозивших рост науки и техники.

The factors retarding (=which retarded) scientific and technological development were all too many in tsarist Russia.

II. Действительное причастие прошедшего времени, обозначающее действие, предшествующее действию, обозначаемому глаголом-сказуемым, переводится при помощи определительного придаточного предложения, например:

Освобождение Китая пробудило к жизни дремавшие тысячелетиями силы.

Energies that lay dormant for thousands of years have been released by the liberation of China.

Выстрадавшие кровавую гитлеровскую оккупацию, отважно **боровшиеся** против немецко-фашистских захватчиков простые французы не могут забыть того, что германский милитаризм — злейший враг Франции.

That German militarism is the sworn enemy of France, is something that cannot be forgotten by that country's ordinary folk **who lived through** the horrors of the hitlerite occupation and **fought** courageously against the nazis.

Для перевода действительного причастия прошедшего времени возможно использование не только одного из прошедших времен, но и Present Perfect. Это время употребляется в придаточном предложении, если действие, обозначаемое причастием, началось до действия, обозначаемого глаголом-сказуемым главного предложения, и продолжается одновременно с ним:

Мы, ленинградцы, **пережившие** эти исключительно **тяжелые дни**, редко говорим о них.

We, the people of Leningrad, **who have lived through** these **incredibly difficult days**, seldom talk of them.

Перевод возвратных причастий

Русские возвратные причастия переводятся на английский язык следующим образом:

I. Возвратное причастие несовершенного вида, обозначающее действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, переводится при помощи Participle I или определительного придаточного предложения:

Национально-освободительное движение, **развивающееся** в колониальных странах, принимает очень широкий размах.

The national liberation movement **mounting** (=which is mounting) in the colonial countries is assuming an ever greater scope.

В тех случаях, когда возвратное причастие обозначает действие, происходящее в настоящий момент и независимо от того, употребляется ли причастие отдельно или в составе оборота, а также независимо от того, находится оно перед или после определяемого существи-

тельного, оно переводится с помощью Participle I Passive или соответствующего определительного придаточного предложения:

Проблемы, **обсуждающиеся** на конференции, имеют большое народнохозяйственное значение (или **обсуждающиеся** на конференции проблемы...).

The problems **being discussed** at the conference (= **which are being discussed**) are of great importance for the national economy.

При переводе русского возвратного причастия несовершенного вида или причастного оборота, обозначающего действие, одновременное с действием, обозначаемым глаголом-сказуемым, используются Participle II или определительное придаточное предложение:

Вопросы, **обсуждавшиеся** на совещании, вызвали большой интерес присутствующих.

The questions **discussed** (= **which were being discussed**) at the conference aroused great interest of the audience.

При переводе возвратных причастий, обозначающих действие, происходящее безотносительно к времени, используется также Participle II, например:

Часы — прибор, **употребляющийся** для измерения времени.

A watch is an instrument **used** for measuring time.

II. При переводе возвратного причастия прошедшего времени совершенного вида, обозначающего действие, предшествующее действию, обозначаемому глаголом-сказуемым, используется Participle II или определительное придаточное предложение:

В программу входил ряд вещей, часто **исполнявшихся** этим выдающимся пианистом.

The programme included a number of pieces **frequently performed** by the outstanding pianist (= **which were frequently performed**).

Для перевода причастий могут быть использованы соответствующие предложные обороты (under construction, under way и др.):

Строящийся сталелитейный завод является одним из крупнейших в стране.

The steel mill **under construction** will be one of the largest in the country.

В строительстве коммунизма, **развернувшемся** в нашей стране, принимают участие миллионы трудящихся.

Millions of working people are taking part in the construction of communism now **under way** in our country.

Собственно-возвратные причастия, например 'умывающийся', 'одевающийся', 'одевавшийся' и др., переводятся соответствующими причастиями (Participle I) с прибавлением нужного возвратного местоимения, например:

Мальчик, **умывающийся** холодной водой.

— A boy **washing himself** with cold water.

Перевод страдательных причастий настоящего времени

Русские страдательные причастия настоящего времени переводятся на английский язык следующим образом:

I. Когда страдательное причастие настоящего времени обозначает действие, происходящее в д а н н ы й м о м е н т, оно переводится на английский язык посредством Participle I Passive или же определительного придаточного предложения:

Ария, **исполняемая** певцом, глубоко волнует публику.

The aria **being performed** (= **which is being performed**) by the singer is stirring the audience deeply.

II. Когда страдательное причастие настоящего времени обозначает действие, происходящее б е з о т н о с и т е л ь н о ко времени, оно переводится посредством Participle II или определительного придаточного предложения:

Проводимая нашей партией ленинская внешняя политика — политика мирного сосуществования, активная борьба Советского государства за укрепление мира и дружбы между народами приносят плодотворные результаты.

The Leninist foreign policy of peaceful coexistence **pursued** (= **which is pursued**) by our Party and the Soviet Government's active struggle for the consolidation of peace and friendship yield excellent results.

Несмотря на преграды, **воздвигаемые** теми, кто все еще цепляется за обанкротившуюся политику силы, движение сторонников мира неизменно растет.

Notwithstanding the obstacles **raised** (= **which are raised**) by those who still cling to the bankrupt policy of strength, the peace movement has been steadily growing.

В итоге этих бесед яснее определились позиции, **занимаемые** обеими сторонами по таким жизненно важным вопросам...

These talks have brought out more clearly the positions **taken** (= **which have been taken**) on such vital issues as... by the two parties concerned.

Перевод страдательных причастий прошедшего времени

Русские страдательные причастия прошедшего времени переводятся на английский язык следующим образом.

Русское страдательное причастие прошедшего времени, обозначающее действие, **п р е д ш е с т в у ю щ е е** действию, обозначаемому глаголом-сказуемым, переводится посредством Participle II или определительного придаточного предложения:

Величественная программа коммунистического строительства в СССР, **утвержденна** съездом, вызвала восхищение народов всего земного шара.

The impressive (majestic) programme of Communist construction **approved** by the Congress has evoked the admiration of the peoples of the whole world.

The admiration of the peoples of the whole world has been evoked by the impressive (majestic) programme of Communist construction **which the Congress has approved**.

Можно не сомневаться, что политика европейской реакции, **осужденная** народными массами, обречена на провал.

There can be no doubt that the policy of European reactionaries **condemned** by the masses is foredoomed.

There can be no doubt that the policy of European reactionaries, **which the masses have condemned**, is foredoomed.

Воспитанный в духе пролетарского интернационализма, советский народ питает высокие чувства братства и дружбы к народам всех социалистических стран, ко всем народам, борющимся за мир и социализм.

Educated in the spirit of proletarian internationalism, the Soviet people have (entertain) feelings of fraternal

friendship for the peoples of all the socialist lands and for all peoples that are fighting for peace and socialism. (The Soviet people, **who have been educated** in the spirit of proletarian internationalism, have...).

Следует отметить, что русский причастный оборот может стоять как после определяемого им слова, так и перед ним, в то время как Participle II непосредственно идет за определяемым словом:

Заключенное в Москве советско-польское соглашение встречено польской общественностью с большим воодушевлением.

The Soviet-Polish agreement **concluded in Moscow** has been warmly welcomed in Poland.

Назначенный на сегодня футбольный матч откладывается из-за плохой погоды.

The football match **fixed for today** has been postponed owing to bad weather.

Как правило, использование определительных придаточных предложений в подобных переводах несколько утяжеляет конструкцию. Выбор того или иного варианта зависит от контекста.

М. Цвиллинг
(Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО

Существует мнение — можно сказать предубеждение, — что немецкий язык беднее русского относительными прилагательными. На этом часто основывается рекомендация переводить русские атрибутивные сочетания, в состав которых входит относительное прилагательное, сложными словами немецкого языка. Однако, как показывает исследование фактического положения в современном немецком языке, дело обстоит далеко не всегда так. Ниже приводится ряд случаев, когда в переводе прилагательное не только сохраняется, но и приобретает своеобразную, несвойственную русскому прилагательному функцию.

I

Перевод некоторых сочетаний с прилагательными типа «английский», «социал-демократический»

победа <i>английской</i> команды	<i>britischer</i> Sieg
беспокойство <i>западных</i> держав	<i>westliche</i> Unruhe
поражение <i>социал-демократи- ческой партии</i>	<i>sozialdemokratische</i> Nie- derlage.
упреки <i>французского прави- тельства</i>	<i>französische</i> Vorwürfe
нападение <i>израильских</i> войск	<i>israelischer</i> Angriff
визит <i>египетской делегации</i>	<i>ägyptischer</i> Besuch

II

Использование относительных прилагательных в качестве наречий при переводе некоторых причастных групп

газета, <i>выходящая по аме- риканской лицензии</i>	eine <i>amerikanisch lizenzierte</i> Zeitung
зона, <i>занятая французски- ми войсками</i>	die <i>französisch besetzte</i> Zone
предприятие, <i>управляемое социалистическими ме- тодами</i>	ein <i>sozialistisch geleitetes</i> Unternehmen
государственный аппарат, <i>зараженный фашистской идеологией</i>	der <i>faschistisch verseuchte</i> Staatsapparat

III

Перевод аппозитивных сочетаний двух существительных атрибутивными сочетаниями с относительными прилагательными

члены производственных советов— <i>коммунисты</i>	<i>kommunistische</i> Betriebs- räte
министры— <i>социал-демокра- ты</i>	<i>sozialdemokratische</i> Mi- nister
учителя— <i>фашисты</i>	<i>faschistische</i> Lehrer

IV

Перевод определительных сочетаний существительных сочетаниями с относительным прилагательным

профессии <i>среднего сосло- вия</i>	<i>mittelständische</i> Berufe
собственность <i>предприя- тий</i>	<i>betriebliches</i> Eigentum
объединение <i>в союзы</i>	<i>bündischer</i> Zusammenschluß
активность <i>предпринима- телей</i>	<i>unternehmerische</i> Aktivität
органы <i>по охране памят- ников</i>	<i>denkmalpflegerische</i> Stel- len

V

Перевод сложных обстоятельственных групп относительным прилагательным в функции наречия

все, кто преследовались <i>по политическим или религиозным причинам</i>	alle <i>politisch und religiös</i> Verfolgten
<i>в вопросах внешней поли- тики</i> новое правитель- ство придерживается прежней линии	<i>außenpolitisch</i> folgt die neue Regierung derselben Linie
боец любого рода войск должен уметь вести бой <i>и как простой пехоти- нец</i>	der Angehörige jeder Waf- fengattung muß in der Lage sein, auch <i>infante- ristisch</i> kämpfen zu kön- nen

Этот небольшой перечень примеров, конечно, можно было бы расширить, однако и он достаточно ясно показывает специфику относительного прилагательного немецкого языка и вытекающие отсюда возможности его использования при переводе разнообразных конструкций русского языка.

Заметим в заключение, что подобное употребление прилагательных характерно главным образом для газетного и делового стиля, и в этих стилях оно является действительно распространенным.

ОБ ОДНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКЕ*

Советская школа перевода стоит на позициях творческого перевода. В этой связи решительная борьба ведется с различными проявлениями буквализма, которые нередко имели место в старых переводах. Буквалистские тенденции с особенной остротой проявились в переводах произведений Ч. Диккенса на русский язык.

Настоящая статья, посвященная анализу перевода одного фразеологизма, встречающегося в двух романах Ч. Диккенса, ставит перед собой задачу указать на ошибки, имеющие место при буквальном переводе и наметить пути к их устранению.

В английской библии в двух местах употребляется выражение 'to heap coals of fire on somebody's head':

1. "Therefore if thine enemy hunger, feed him; if he thirst, give him drink: for in so doing thou shalt heap coals of fire on his head" (*Romans*, 12, 20).

«Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (*Послание к римлянам*, 12, 20).

2. "If thine enemy be hungry, give him bread to eat: and if he be thirsty, give him water to drink; for thou shalt heap coals of fire upon his head, and the Lord shall reward thee" (*Proverbs*, 25, 21).

«Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою: ибо, делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе» (*Книга Притчей Соломоновых*, 25, 21—22).

То же выражение 'to heap coals of fire on somebody's head' встречается в двух романах Ч. Диккенса:

1. "He shuns me", said Sampson, "even when I would, as I may say, heap coals of fire upon his head" (*The Old Curiosity Shop*, M., 1952, ch. LXVI).

* Редакция была бы рада узнать мнение переводчиков по затронутому вопросу.

2. "She was full of clemency and conciliation. She had laid in several chaldrons of live coals and was prepared to heap them on the heads of her enemies" (*Martin Chuzzlewit*, М., 1951, ch. LIV).

Теперь посмотрим, как переводится это выражение на русский язык. При этом следует отметить, что с самого начала существования переводов этих романов английский глагольный фразеологизм 'to heap coals of fire on somebody's head' всегда переводился на русский язык неправильно. Образцы переводов этого выражения приводятся в хронологическом порядке:

I. «Лавка древностей»:

1. «Он отворачивается от меня, — промолвил он, — как будто я собираюсь возложить раскаленные уголья на его голову» (*пер. А. Никифораки, СПб., изд. А. С. Суворина, 1893, т. II, гл. XXIX*).

2. «Он отворачивается от меня, — сказал Самсон, — как будто я хочу, так сказать, положить горячие угли на его голову» (*Сочинения Ч. Диккенса, Полное собрание, СПб., изд. Ф. Павленкова, 1897, т. X, гл. LXVI*).

3. «Он отшатнулся от меня! — воскликнул Самсон. — Как будто я хотел опрокинуть жаровню с горячими углями ему на голову» (*пер. Н. Волжиной, М., 1950, гл. LXVI*).

II. «Жизнь и приключения Мартина Чезльвита»:

1. «Она была полна снисходительности и примирения. Она припасла уже несколько жаровень с пылающим углем и готова была высыпать их на голову своих врагов» (*пер. М. А. Лазаревой, М., 1891, ч. II, гл. XXIX*).

2. «Она была преисполнена снисходительности и милосердия. Хотя ей и было подготовлено несколько жаровень с пылающими угольями, чтобы осыпать ими главы своих врагов...» (*пер. А. В. Архангельской, М., 1894, гл. LIV*).

3. «Она была полна кротости и снисхождения. Она заготовила уже на всякий случай несколько жаровень с пылающими углями, чтоб высыпать их на головы своих врагов» (*Сочинения Ч. Диккенса, Полное собрание, пер. З. Н. Журавской, СПб., изд. Ф. Павленкова, 1895, гл. LIV*).

4. «Она была исполнена снисходительности и милосердия; хоть она подготовила несколько жаровень с пылающими угольями, чтобы осыпать ими главы своих врагов, но в сердце ее не было ни малейшей злобы, — нисколь-

ко!» (*Полное собрание сочинений Ч. Диккенса, пер. «Отечественных записок» под ред. М. А. Орлова, СПб., 1910, гл. LIV*).

5. «Она была преисполнена снисходительности и всепрощения. Она запасла несколько мер горячих угольев и приготовилась высыпать их на головы своих врагов» (*пер. И. Л. Дарузес, М., 1950, гл. LIV*).

Обратимся к авторитетным английским и американским лексикографическим источникам, где приводятся правильные варианты толкований этого устойчивого сочетания:

1. Hear (cast, gather) coals of fire on the head (see Rom. XII. 20): to produce remorse by requiting evil with good. (*NED, Lnd. 1961, V. II, p. 550*).

2. Hear coals of fire on the head. To cause remorse by returning good for evil. (*Webster's International Dictionary of the English Language, U. S. A., 1960, p. 1150*).

Сравнивая вышеприведенные варианты русских переводов выражения 'to hear coals of fire on somebody's head', мы убеждаемся, что переводчики старых и более новых переводов шли по линии использования соответствующей цитаты из русской библии, не проверив данных английских словарей.

Таким образом, намечаются два возможных варианта перевода:

1. Дословный перевод с примечанием, что это библейское выражение употребляется в значении: пристыдить кого-либо, отплатив добром за зло.

2. Описательный перевод, который предлагает А. В. Кунин в своем словаре: пристыдить кого-либо, отплатив добром за зло.

Следует указать, что автор Англо-русского фразеологического словаря впервые дал правильный перевод этого выражения. Однако, несмотря на правильность, следует все же отметить, что стилистически перевод неадекватен подлиннику: у Диккенса этот фразеологизм является библеизмом, в то время как русское выражение «пристыдить кого-либо, отплатив добром за зло» не является библеизмом. Что касается авторов русских переводов, то они, пренебрегая вышеуказанными моментами, просто позаимствовали из русской библии соответствующее выражение.

Возможно, конечно, перевести 'to hear coals of fire on somebody's head' «пристыдить кого-либо, отплатив добро

за зло», то есть идти по линии описательного перевода, как это дано в Англо-русском фразеологическом словаре:

«She was full of clemency and conciliation. She had laid in several chaldrons of live coals and was prepared to heap them on the heads of her enemies». (*Ch. Dickens, Martin Chuzzlewit, ch. LIV*).

«Она была преисполнена снисходительности и всепрощения. Она была готова пристыдить всех своих врагов, отплатив им добром за зло» (*А. Р. Ф. С., изд. 2-е, М., 1956, стр. 204*).

В связи с этим интересно проследить, как это выражение переводится в последнем тридцатитомном издании произведений Диккенса на русском языке.

I. «Лавка древностей»:

1. —Он отшатнулся от меня! — воскликнул Самсон.— Хотя я хочу воздать ему добром за зло! (*пер. Н. Волжиной, М., 1958, т. VII, гл. LXVI*).

II. «Жизнь и приключения Мартина Чезльвита»:

«Она была преисполнена снисходительности и всепрощения. Она приготовилась отплатить добром за зло своим врагам» (*пер. Н. Дарузес, М., 1959, т. XI, гл. LIV*).

Таким образом, мы видим, что в последнем издании этих двух, кстати сказать, замечательно переведенных романов также дается описательный перевод анализируемого нами фразеологизма. Но и описательный перевод, и перевод с примечаниями не являются ключом к разрешению вопроса. Ведь ошибка заключается в том, что русские переводчики на протяжении длительного периода времени переводили 'to heap coals of fire on somebody's head' не как сращение, а как единство; если высыпать уголья на чью-то голову, то причиняется вред человеку. А ведь это неправильно. Дело в том, что в английском языке 'to heap coals of fire on somebody's head' является сращением, употребляющимся в значении 'отплатить добром за зло'. Сторонники буквального перевода переводят это английское сращение на русский язык как фразеологическое единство, то есть пытаются разложить английское сращение на составные части. В результате получается переводческое несоответствие: есть цитата из библии, в то

время как соответствующего фразеологизма в русском языке нет. Вместе с тем цитата из русской библии настолько непонятна, что она в процессе перевода переосмысливается. С другой стороны, в английском языке это глагольное устойчивое сочетание воспринимается как полное цельное сращение, и англичане его понимают как сращение, не разлагая его на части. В английском языке в этом смысле можно говорить о цельном значении идиомы. В русском языке совершенно иное положение. Русские переводчики воспринимают цитату из русской библии как фразеологизм и, пытаясь перевести этот фразеологизм буквально, переосмысливают его, и получаются противоположные результаты. А ведь существующее выражение в русском тексте библии является всего-навсего цитатой, понятной только знатокам библии.

Какой же выход из положения? На наш взгляд, русскую цитату из библии следует приспособить к пониманию современного читателя. Поэтому ее нужно прежде всего воспринять не в буквальном смысле, а в переносном, как метафору. Например:

I. «Лавка древностей»:

— Он отшатнулся от меня! — воскликнул Самсон. — Хотя я хочу разжечь угли его совести, дав ему понять, какое зло он сотворил!..

II. «Жизнь и приключения Мартина Чезльвита»:

«Она была преисполнена снисходительности и всепрощения. Она была готова разжечь угли совести своих врагов, чтобы они поняли, какое зло они сотворили».

В данном случае нам пришлось пойти по пути использования комбинированного приема перевода, в результате чего получился перифраз библейского выражения, но зато увеличилась степень адекватности в переводе.

Таким образом, мы имеем возможность убедиться в следующем:

1. Перевод английского глагольного фразеологизма 'to hear coals of fire on somebody's head' при помощи эквивалента не удался.

2. Нельзя механически использовать цитату из библии, так как при этом получается совершенно противоположное значение.

**СПЕЦКУРС «ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА»
НА III КУРСЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

При обучении иностранному языку большое значение придается изучению грамматической структуры данного языка. Проникновение в грамматическую структуру иностранного языка, понимание специфики этой структуры наиболее эффективно может быть осуществлено при сравнении иноязычной грамматической системы с грамматической системой родного языка. Поэтому при чтении курса грамматики какого-либо иностранного языка необходимо проводить последовательное сопоставление с родным языком, указывая на сходства и различия между элементами обеих грамматических систем, а также между этими системами в целом и в необходимых случаях давая также указания относительно способов передачи тех или иных форм и конструкций на родной язык. Такой подход к изучению грамматики полезен при подготовке не только будущих переводчиков, но и преподавателей.

Представляется весьма полезным также и небольшой специальный курс, в котором рассматривались бы отдельные, наиболее типичные для изучаемого иностранного языка грамматические явления в плане сопоставления с родным языком, а также в плане их передачи на родной язык.

Этим целям и посвящен специальный курс «Грамматические вопросы перевода (с немецкого языка на русский)», читающийся в немецких группах III курса на романо-германском отделении филологического факультета МГУ. Этот спецкурс читается после того, как в основном уже пройдена практическая грамматика немецкого языка, так что он в какой-то степени углубляет, обобщает и систематизирует знания студентов по отдельным темам. Курс рассчитан на 16—20 лекционных часов; за ним следует спецсеминар с курсовыми работами, во время которого имеет место практическая работа по анализу немецкого текста и его перевода на родной язык (на русский), а так-

же обсуждение докладов студентов и лингвистической литературы по тому или иному вопросу спецкурса.

Задачей указанного спецкурса является выяснение способов передачи ряда немецких грамматических форм и конструкций на русский язык и обоснование выбора именно тех или иных русских соответствий, при этом речь идет о выявлении закономерных соответствий. Установление соответствий в родном языке должно происходить на основе выяснения специфики изучаемого явления и его места в системе немецкого языка, на основе выявления всего комплекса его значений, особенностей его употребления, в том числе и стилистических.

Такой же подход необходим и в отношении эквивалентных форм и конструкций родного языка. Так, например, некоторые значения немецкого артикля передаются на русский язык при помощи порядка слов; для того чтобы установить и обосновать эту закономерность, необходимо, наряду с анализом переводов, изучение функций немецкого артикля в их взаимодействии с другими средствами для выражения аналогичных значений, а также изучение функций русского порядка слов. Таким образом, установление способа передачи какой-то формы или конструкции на русский язык происходит на широкой основе изучения ее сущности — не узкое сопоставление двух форм или двух конструкций, двух явлений, а выяснение их места в данной системе в немецком и родном языке. С другой стороны, анализ переводов, как и анализ одноязычного текста, дает новый объективный материал для самого этого выяснения сущности явления в данном языке.

В соответствии с задачами курса находится его построение и содержание. Выбор форм и конструкций немецкого языка, подлежащих рассмотрению, не должен быть случайным. Для теории перевода могут быть интересны те грамматические формы, конструкции и явления, которые, во-первых, не находят прямого соответствия в родном языке полностью или частично и, во-вторых, требуют для передачи на родной язык не одну какую-то постоянную форму, не одно какое-то постоянное соответствие, а различные формы, различные соответствия; последнее имеет место в силу разнообразия значений и сложности функционирования в контексте этих немецких форм и конструкций. Таким образом, при выявлении закономерных соответствий в

области грамматики (как и в области лексики) встают такие проблемы, как проблема грамматической синонимии, проблема многозначности формы и проблема контекста.

Приведем пример, иллюстрирующий наш принцип отбора явлений. Из грамматических категорий существительного в немецком языке интерес для рассмотрения в плане перевода представляет только так называемая категория определенности и неопределенности, выражаемая соотносительными формами артикля (неопределенный артикль — определенный артикль), поскольку артикль — это, во-первых, форма, не имеющая в русском языке прямого соответствия, и, во-вторых, форма, обладающая в немецком языке различными значениями в зависимости от контекста; причем для выражения этих же значений в немецком языке имеются еще и другие средства (см. работы К. Г. Крушельницкой об артикле и порядке слов в немецком языке).

С другой стороны, категория числа существительного, например, не нуждается в обобщении в плане перевода, так как формы числа не представляют затруднений при выявлении их значений, они однозначны и имеют в русском языке прямое соответствие.

В связи со всем вышеизложенным курс «Грамматические вопросы перевода» имеет следующее содержание и построение. В курсе рассматриваются три большие темы, каждая из которых разбивается на подтемы; на каждую тему отводится 4—6 часов лекций:

1. Передача специфических особенностей грамматических категорий немецкого глагола:

- а) в системе временных форм глагола;
- б) в системе залоговых форм;
- в) в системе сослагательного наклонения;
- г) в системе именных форм;
- д) выбор видовой формы русского глагола при переводе с немецкого языка на русский.

2. Артикль и порядок слов.

3. Некоторые вопросы подчинения в плане сопоставления и перевода:

- а) перевод немецких инфинитивных оборотов на русский язык;

б) использование русских причастных и деепричастных оборотов при переводе;

в) перевод некоторых типов придаточных предложений на русский язык.

Естественно, что данная тематика не исчерпывает содержание курса по грамматическим вопросам перевода.

Указанные выше явления представляются наиболее интересными и специфичными; в то же время их отбор обусловлен субъективными интересами автора курса. Дальнейшая работа над подобным курсом и обмен опытом помогли бы сделать его более стройным и исчерпывающим.

Работа над материалом в течение курса проходит примерно следующим образом:

1) изучаемое явление рассматривается на основе пройденного курса грамматики с некоторыми добавлениями и углублением, причем это рассмотрение ведется в плане сопоставления с русским языком (напр.: временная система немецкого глагола);

2) устанавливается, какие специфические немецкие формы и конструкции в каких случаях и почему могут вызывать известные затруднения при передаче их на русский язык (напр., передача при переводе значений, выражаемых плюсквамперфектом); с другой стороны, здесь же показывается, что не все специфические немецкие формы и конструкции обязательно вызывают особые приемы перевода, — это положение также теоретически обосновывается (напр., формы перфекта в абсолютном употреблении).

Высказываемые положения о переводе иллюстрируются на материале немецкого текста и его перевода на русский язык.

На семинарских занятиях иногда имеет место и другая последовательность в работе: по переводам на русский устанавливаются типичные способы перевода того или иного явления и от студентов требуется теоретическое обоснование этих типичных, закономерных способов перевода (напр.: передача на русский язык неопределенно-личных предложений с *man*).

Представляется, что подобный спецкурс и следующий за ним спецсеминар углубляют знания студентов по грамматике изучаемого языка и помогают научить их анализировать его грамматическую структуру, сопоставляя ее со структурой родного языка и вникая в специфические особенности того и другого языка.

QUELQUES SUGGESTIONS

Au cours de notre longue expérience, nous avons pu constater chez les traducteurs de toutes catégories des insuffisances qui ne laissent pas d'étonner.

Tantôt leur esprit se porte aux exagérations les plus extravagantes, tantôt ils se laissent aller à barboter dans des argotismes fangeux; tantôt ils s'élèvent dans les espaces cosmiques pour énoncer des vérités terre à terre.

Ainsi, je relève chez un traducteur chevronné :

«Да, дзот у них здесь, говорят, здоров».

Trad: «Le blockhaus, paraît que c'est pas de la crotte de bique».

Solution facile. Ici le traducteur sombre dans la plus atroce médiocrité, et l'usage fréquent des mots d'argot ne lui permet pas de sortir de la banalité.

La traduction ci-après serait archi-suffisante:

«Le blockhaus, ici, paraît que c'est quelque chose de soigné ...».

Voici maintenant un traducteur qui, monté sur Pégase, s'élance vers les régions interplanétaires:

«Гимнастикой она начала заниматься в школе».

Au lieu de dire: «C'est à l'école qu'elle a commencé à faire de la gymnastique», nous lisons :

«Son engoûment pour la gymnastique date de ses temps d'écolière encore».

Autre exemple : «Чемпион мира по гимнастике, преподаватель Чукарин, в кругу семьи».

Trad.: «Tchoukarine, champion du monde de gymnastique, est aussi un bon papa et un mari modèle».

C'est la sottise poussée jusqu'au génie ! Il fallait dire : «Tchoukarine... en famille». Voyez dans «Fils du peuple» la légende d'une photo : «Maurice Thorez en famille».

Talleyrand disait : «La vraie richesse d'une langue consiste à pouvoir tout exprimer avec peu de signes».

Il faut que le traducteur soit suffisamment armé, qu'il ait assez de tact et de mesure pour arrêter son choix, sans

jouer à pile ou face, dans des lectures qu'il fait, **sur l'expression, sur l'équivalent.**

«Сила и неодолимость движения по пути социализма».

Traduits en français, les deux mots que je souligne produisent un effet détestable.

« La force et l'irrésistibilité du mouvement... »

Disons donc pour humaniser un peu cette phrase :

« **La force irrésistible** du mouvement... »

Une opération très fréquente consiste à faire de l'adjectif un nom précédé de la particule **de**.

«Мудрое и справедливое решение».

« Aussi faisons-nous pleine confiance au jury pour qu'il rapporte un verdict **de sagesse et d'équité** ».

L'épithète en français est-elle toujours identique, quant au sens, à l'épithète russe ?

«Солдаты покрыли себя неувядаемой славой».
неувядаемый — inflétrissable

« Les soldats se sont couverts d'une **gloire impérissable** ».

«Гневный протест».

гневный — courroucé

« Le Bureau politique élève une **protestation indignée** contre les agissements antinationaux ».

Pour ce qui est des diminutifs, on prétend qu'il ne faut faire figurer dans le dictionnaire que ceux d'entre eux qui ont une désinence diminutive normale : maisonnette, fillette, fossette, pochette, corbillon, globule, monticule, particule, menotte, peton, minois, etc.

Bescherelle donne une liste assez imposante des principaux noms et adjectifs susceptibles de recevoir encore aujourd'hui la terminaison diminutive.

Dans l'ancien français on en faisait un très fréquent usage, en poésie surtout :

Viens, ma bergère, sur l'herbette,
Viens, ma bergère, viens seulette,
Nous n'aurons que nos brebiettes
Pour témoins de nos amourettes.

De nos jours, de tels vers paraîtraient plutôt mignards, d'une mignardise mielleuse ; ils choqueraient les goûts les moins prétentieux.

Le latin avait de nombreux diminutifs. Cependant le russe est le plus riche en diminutifs. Il est absolument impossible de suivre le russe sur ce terrain.

Pas d'équivalent en français pour traduire 'дымок'. Disons donc avec Alphonse Daudet :

« **Un peu de fumée** (ou un filet de fumée) montait au-dessus du toit ».

'Солнышко': « Il faisait **un petit soleil** à travers les vitraux bleus de la mairie... » (*André Stil « Le Premier Choc », p. 145*).

'Кофеек': « Tu veux que je te fasse chauffer **un peu de café** ».

'Статейка': Le mot français n'a pas de désinence diminutive mais, sans être un diminutif, il en a néanmoins l'allure et la nuance:

« Dites, monsieur Franchelin, vous ne feriez pas **un papier** sur votre visite ? » (*Pierre Abraham « Tiens bon la rampe », p. 95*).

Il existe d'autres diminutifs encore qui ne figurent pas dans la liste de Bescherelle :

enfanton, enfantelet, napperon, nobliau, noblaillon (par dénigrement), un petit Poulbot (gamin)...

Il est des cas où le diminutif français ne se traduit pas toujours par un diminutif russe :

« Est-ce la démocratie populaire qui les a rendus, d'un coup de baguette magique, aptes aux fonctions qu'ils étaient auparavant incapables d'assumer ? » (*André Wurmsr « Aux meilleurs Français et aux pires », p. 86*).

D'un coup de **baguette** magique — маговением волшебного жезла.

Pour donner à un nom un sens diminutif on le fait généralement précéder de l'adjectif **petit**. Cela peut être à la fois un diminutif de tendresse, de petitesse, et un diminutif de péjoration : petite maison, petit garçon.

Mais voici un exemple tiré de la pièce d'Ostrovski : « Loups et Brebis » — « Прикажете хвалить ваши глазки? »

Ici 'глазки' n'est pas un diminutif de petitesse, mais de beauté ! **Petits yeux**, en français, ce n'est pas un compliment. Il faut donc traduire : « Voulez-vous que je loue vos **jolis yeux** ? »

Ce n'est pas pour faire l'éloge de Napoléon III que Victor Hugo l'a baptisé **Napoléon le Petit** !

Il arrive même que l'adjectif **petit** s'emploie pour **grand**, comme augmentatif :

« Il fait une **petite** chaleur ! » c'est-à-dire une grande chaleur.

Avec un peu plus de talent et de décision dans les idées, avec un peu plus d'enthousiasme juvénile, nous arriverons certainement à triompher de toutes ces difficultés.

Г. Ханна
(Москва)

ILLITERACY IN THE GUISE OF "ACCURACY"

For many years there has been a theory current that political writings cannot be accurately expressed in normal standard English. Before developing this theme let me say exactly what I mean by normal English : I mean the English language that is used by native speakers and writers in the English-speaking countries. I mean that infinitely elastic language that has proved itself capable of expressing every shade of human thought on every subject known to mankind, I mean the language that has produced one of the most extensive literatures in the world, I do not mean the language of textbooks written for foreigners which must necessarily stick to certain cast-iron rules because of the very flexibility of the language, because of the pitfalls that beset the path of the student who naturally and automatically transfers categories in his own language to the English he is learning.

Despite its flexibility, despite its tremendous elasticity the English language follows a number of clearly defined patterns known as usage. It is true, of course, that these patterns cannot be confined within the framework of a set of rules similar to those governing, say, the use of verbs or pronouns. But they exist, they are recognized almost instinctively by every well-read English-speaking person and they are violated only by eccentrics who contribute little or nothing to the treasure-house of literature.

When languages are judged comparatively, one finds many specific features in any language which are not to be found in any other; this is, of course, true of both English and Russian. When these peculiarities are transferred

in toto, in their original form, to another language, they have a foreign flavour, they can be attractive or *cute* when they are used sparingly as a sort of background or local colour to a story. When they are transferred wholesale, even in a novel, they have no attraction whatsoever, they bore the reader whose receptive faculties are eventually dulled by a flood of syntax. When they are transferred wholesale in the translation of a political article or book or any piece of writing that is published exclusively for its notional or conceptual value, they completely defeat the purpose of the book by their failure to convey the correct concept to the reader. And, lastly, when foreign constructions contravene the rules of English style and even the rules of English syntax, they become sheer illiteracy because sentences composed could never have been written by a native writer of English.

For many years Moscow translations of political material (and, unfortunately, of much other valuable material) have suffered from this basic fault: the syntax used in them is purely Russian although the words are English. Again I say—such writing defeats its own purpose, its propaganda value is lost and the books, even if purchased, are never read.

Here I must deviate for a moment from my general discourse. The *verbatim* translation theory is not endemic to Moscow. It has been, and still is, supported by people in other countries. True enough, such writers do not find much favour with the reading public and are generally regarded as cranks: they are usually people who hope to make a name for themselves by their idiosyncrasies rather than their scholarship. Obviously, it is not the crank who should find disciples among those who aspire to translate the classics of Marxism-Leninism.

It is the opinion (oft-expressed) of the present writer that the chief trouble lies in an incorrect, at times, even unscholarly approach to the whole problem of translation. It is, admittedly, desirable to give the reader some idea of the style of the original if the latter has any particular stylistic features.

But the mere stringing together of English words in the same order as the Russian does not convey the style of the original because it does not convey any style at all. The reaction of the average reader is: "This writer is illiterate". It must be remembered that very few of our readers are linguists.

Very few of them realize that translation is anything more than the simple change of a Russian word for an English equivalent.

Unfortunately, we are apt to sin lexicologically as well as syntactically in our *accurate* translations. Again, I am convinced, because of a wrong approach to our problem. There seems to be an overwhelming desire on the part of some translators to use **grammatical forms** in English that are exactly the same as those used in the Russian original, i. e. verb for verb, noun for noun, and so on. This has led, in the past, to the search *for a word* that is the exact equivalent of the Russian and also to its use in the most fantastic ways. When it has been found impossible to unearth an *exact* equivalent, translators have resorted to invention forgetting that the coining of words is the privilege of cheap journalists and of writers who waste their talents in the struggle for *effect*. Whoever heard of Oscar Wilde or John Galsworthy inventing dozens of words to express their ideas or achieve an *effect*? And yet these writers are regarded as brilliant stylists, as masters of the English language.

Here are a few words that have been unearthed with the aid of Webster, or the O. E. D. or have been invented when these two erudite dictionaries failed to produce what needed:

- scatteredness
- divorcement (for separation)
- properness
- isolatedness
- hideboundness
- fatalness
- emphaticalness

and here are a few of the words that are misused:

- enthral for enslave (an obsolete meaning)
- dispersement for dispersal
- instalment for installation (again, obsolete)
- adduce for quote or cite
- depress for lower (v)
- homogeneous for uniform (or similar)
- heterogeneous for varied, dissimilar
- etc., etc.

Among the many words misused, pride of place belongs to *husbandry*, and it is this word that best of all demonstrates the falseness of one of the theories of translation. Accord-

ing to this theory the translator has to find one English word, and one **only**, for every Russian word and to use that English word every time its Russian counterpart appears. *Husbandry* was chosen as the translation of the word 'хозяйство'. In its original and now obsolete meaning *husbandry* was the management of domestic affairs, resources, etc., also — careful, thrifty, frugal management. This is **one** of the meanings (now a somewhat rare one) of the Russian word, a meaning in which it was used by Lenin in whose works the word 'хозяйство' has most often appeared. The word *husbandry* is used in these translations for *farm*, a meaning which it has never had in English; it is used for *farming* which is somewhat closer, although in modern English *husbandry* is a mode or manner of farming and not the farming itself. But, may we ask, by what magnificent feat of cerebration is the English reader supposed to know that he has to give the word a **Russian** meaning, that he has to imagine the Russian word 'хозяйство' for the meaning to be clear to him? It is even more confusing to the poor reader when he sees *husbandries* and even *husbandries of the propertyless peasants*.

What possible objection can there be to using half a dozen English words to translate one Russian word (and if necessary many English words in its various contexts) or for that matter, to using the same English word to translate several Russian words when the vocabularies of the languages require it? Polysemantism is a feature of all modern languages but the same words are not polysemantic (or, at any rate, not polysemantic in the same way) in all languages. To anybody with even an elementary linguistic training this would seem to be an a priori truth, an axiom. Nevertheless it is very often completely disregarded when translation difficulties occur. **The practice of using one English word for one Russian word (or vice versa) in all cases irrespective of context can only be regarded illiterate and every effort must be made to combat it.** It must be remembered that the precise meaning of a word is provided by the context in which it is used and not by the dictionary which, at best, is only a guide.

In another article I intend to analyse a number of concrete examples but, in the meantime, it would be interesting to hear other opinions on this subject, i. e. what may be considered literate and what illiterate.

V. Консультация

О. Вейцман
(Ленинград)

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

В о п р о с: После успешного запуска нашими учеными ракеты на Луну появился глагол 'прилуниться', который вошел в состав русского языка. Можно ли 'прилуниться' переводить на немецкий язык глаголом *monden*? Имеется ли аналогичный глагол в английском и французском языках? (*Спрашивает группа переводчиков технической литературы.*)

О т в е т: После колоссальных успехов, достигнутых Советским Союзом в завоевании космоса, русское слово 'спутник' стало международным¹.

Аналогично слову *Sputnik* в немецком языке были образованы *Lunik* и *Venik* (= *Venusrakete*)².

Американские спутники на страницах немецких газет иронически называют *Spätnik* и *Kaputnik*.

¹ См. „Sputnik“ — слово, ставшее международным, «Литературная газета», 10 октября 1957 г.; П. К в а с о в, Заимствованное слово *Sputnik* в немецком языке, «Иностранные языки в школе», 1959 г., № 6; Г. Г. П о ч е п ц о в, *Sputnik* в английском языке, «Иностранные языки в школе», 1959 г., № 6; Н. К ü s t n e r, Sprachliches zum Weltraumflug, „Sprachpflege“, 1960, Nr. 5; К. Н а н с е н, *Sputniks, Spätniks und Spottniks*, „Sprachpflege“, 1960, Nr. 10 и др.

² Управляемая космическая ракета, которая вывела автоматическую межпланетную станцию на траекторию к планете Венера.

В американской и английской прессе мы встречаем *kaputnik, flopnik, sputternik, goofnik*.

После успешного запуска в Советском Союзе искусственных спутников с собаками появились *ripnik, muttnik, roochnik, woofnik*. Ракета с мышью, которая была запущена в США, была названа *moisenik*.

Что касается глагола *monden*, то до настоящего времени он в немецкой печати не встречается. Вот что по поводу глагола *monden* пишет журнал „Sprachpflege“:

„Mit dem Start von Lunik II und dessen Landung auf dem Mond am 12. 9. 1959 treten neue sprachliche Probleme in den Vordergrund. In dem russischen Wort für landen — приземлиться — ist der Stamm земля (Erde) enthalten. Der Ausdruck ist also speziell für das Landen (von Flugzeugen) auf der Erde zugeschnitten, nicht aber für das Landen auf dem Mond. Hierfür wurde das Wort прилуниться geschaffen, indem земля durch луна ersetzt wurde. Прилуниться heißt „auf dem Mond landen“. Auch im Französischen stehen sich die Wörter l'atterrissage für Erdlandung (von lat. terra—Erde) und l'alunissage für Mondlandung gegenüber. Aus l'alunissage ist das Verb (Zeitwort) **alunir** für „auf dem Mond landen“ entstanden und durch Entscheidung der Französischen Akademie der Wissenschaften offiziell eingeführt worden³. Im Englischen wurde das Substantiv (Dingwort) **moon** (Mond) unverändert als Verb übernommen; man sagt **to moon** für „auf dem Mond landen“. Im Deutschen dagegen wurde für diese Tätigkeit noch kein eigenes Wort geschaffen. Ob sich der Ausdruck **monden** durchsetzt, wird die Zukunft lehren (везде подчеркнуто мною.— О. В.)“⁴.

На страницах газеты „Neues Deutschland“ в сообщениях о том, что 14 сентября 1959 г. советская космическая ракета достигла поверхности Луны, говорилось: „Heute, am 14. September, um 0 Uhr zwei Minuten 24 Sekunden Moskauer Zeit, hat die zweite sowjetische kosmische Rakete **die Oberfläche des Mondes erreicht**“⁵; „Das rote Banner der Sowjetmacht **auf dem Mond aufgepflanzt**“⁶; „Um die Wimpel **bei dem Auftreffen auf den Mond** unversehrt zu halten...“⁷;

³ См. также Б. Тимофеев, Правильно ли мы говорим? Лениздат, 1961, стр. 91.

⁴ „Sprachpflege“, 1960, Nr. 5, SS. 99—100.

⁵ „Neues Deutschland“, 14. Sept. 1959.

⁶ I b i d.

⁷ I b i d.

Aus Anlaß der **Ankunft der Sowjetischen kosmischen Rakete auf dem Mond...**⁸; „Um einen auf dem Mond auftreffenden Flugkörper zu sehen...“⁹; „**Die Landung der sowjetischen Rakete auf dem Mond**“¹⁰; „Die Geräte der zweiten sowjetischen Mondrakete, die am 13. September 1959 um 22 Uhr 02 Minuten 24 Sekunden MEZ in der Gegend des Mare Serenitatis **auf der Mondoberfläche auftraf...** (везде подчеркнуто мною.— О. В.)“¹¹.

В о п р о с: Как перевести на немецкий язык ‘домовая кухня’, ‘доставка товаров на дом’? (*Спрашивает группа студентов.*)

О т в е т: Домовая кухня — Blockküche¹².

Доставка товаров на дом — Kundendienst¹³, die Ins-Haus-Lieferung (von Backwaren, Milch und anderen Lebensmitteln)¹⁴. В «Немецко-русском разговорнике» мы находим следующее объяснение: „Eine besonders für den Touristen praktische Einrichtung ist die **доставка на дом... Lieferung ins Haus** (подчеркнуто мною.— О. В.). Er braucht in Geschäften, die über diesen **Kundendienst** (подчеркнуто мною.— О. В.) verfügen, seinen Einkauf nicht mitzunehmen, sondern die Ware wird ihm nach Angabe von Hotel und Zimmernummer zugestellt“¹⁵.

В магазинах ГДР, в которых имеются отделы доставки товаров на дом, висят объявления: „Wir liefern frei Haus“.

‘Заказать что-нибудь в отделе доставки на дом’ — beim Kundendienst etwas bestellen; ‘заказать что-нибудь с доставкой на дом’ — etwas bestellen, das frei ins Haus geliefert werden soll.

В о п р о с: В немецкой технической и художественной литературе и периодической печати перед названием кораблей стоит обычно артикль женского рода, независимо от

⁸ „Neues Deutschland“, 16. Sept. 1959.

⁹ I b i d.

¹⁰ I b i d.

¹¹ „Neues Deutschland“, 7. Nov. 1959, Beilage.

¹² „Neues Deutschland“, 21. Dez. 1960.

¹³ „Neues Deutschland“, 26. Nov. 1958; Kundendienst — обозначает также ‘стол заказов’, ‘обслуживание покупателей’.

¹⁴ „Neues Deutschland“, 13. Aug. 1959.

¹⁵ „Sprachführer Deutsch-Russisch“, Leipzig, 1961, S. 92.

того, к какому грамматическому роду относится слово, начертанное на борту корабля. Но встречаются также случаи, когда артикль перед названием корабля вообще отсутствует или соответствует грамматическому роду существительного, начертанного на борту корабля.

К какому грамматическому роду относятся названия кораблей или все названия кораблей женского рода? Имеются ли в немецкой грамматике на этот счет твердые правила? Как быть при переводе названий кораблей с русского языка на немецкий? (*Спрашивает группа переводчиков.*)

О т в е т: Если мы проследим по страницам газет и журналов, издаваемых в ГДР, ФРГ и Австрии, сообщения и статьи об атомном ледоколе «Ленин», то убедимся в том, что не только в разных газетах и журналах название ледокола относят то к мужскому, то к женскому роду, но даже в рамках одной статьи или заметки наблюдаются колебания в грамматическом роде названия ледокола.

В заметке „Atomeisbrecher vor der Fertigstellung“, опубликованной в газете „Volksstimme“ от 14 декабря 1958 г., мы читаем: „Bei der Projektierung **des „Lenin“**“ (в этом и в последующих примерах названия кораблей, артикли, местоимения и наименования типов кораблей выделены мною.— *О. В.*), **die** im Laufe eines ganzen Jahres auf voller Fahrt sein kann, ohne **ihren** Treibstoffvorrat auffüllen zu müssen, wurde vor allem auf eine besonders günstige Form des Vorderstevens Wert gelegt“.

„Bei der Projektierung **des „Lenin“**— в данном случае название ледокола мужского рода, и стоит оно в Genitiv, но определительное придаточное предложение (исходя из того, что названия кораблей в немецком языке обычно женского рода) вводится относительным местоимением женского рода — „...**die** im Laufe...“ и далее — „...ohne **ihren** Treibstoffvorrat auffüllen zu müssen“. В этой же заметке мы далее читаем: „Für **die „Lenin“** wurde eine neue Stahllegierung entwickelt“.

В статье „Der Arktisrecke sammelt Atomkraft“, опубликованной в газете „Neues Deutschland“ от 13 сентября 1959 г., мы читаем: „Ich sah **die „Lenin“**... ..wenn erst **die „Lenin“** kommt...“.

Можно привести также ряд примеров, где название ледокола мужского рода: „Nach Abzug aller Verluste, die durch die mehrfache Übersetzung eintreten, wird **der „Lenin“**“

immer noch mit 50 000 PS durch das Eismeer stampfen“; „Schon näherte sich der „**Lenin**““¹⁶.

Можно привести также ряд примеров, где названия кораблей стоят вообще без артикля: „....wurde in Anwesenheit Hunderter Schiffbauer und sowjetischer Freunde auf den Namen „**Tropik 1001**“ getauft“¹⁷; „....in Rotterdam „Erfurt“, in Gdynia „Halberstadt...““¹⁸.

В некоторых случаях наблюдается следующая тенденция: если корабль носит имя человека, то название корабля относят к тому или иному грамматическому роду в зависимости от биологического пола лица, имя которого начертано на борту; если же корабль носит название местности, то перед его именем ставят артикль женского рода, независимо от того, к какому грамматическому роду относится название местности: „**Die** aufständische „**Helgoland**“, bereit, die Besatzung der „**Thüringen**“ zu schützen, richtete ihrerseits ihre Kasemattengeschütze auf das Torpedo- und das U-Boot“; „Von der „**Helgoland**“ wurden 150 Aufständische verhaftet, vom „**Markgraf**“ 200 und vom „**Großen Kurfürst**“ ebenfalls ein großer Teil...“¹⁹.

Авторы ряда работ по стилистике и грамматике немецкого языка указывают на то, что отнесение к женскому роду названий **всех** кораблей в немецком языке противоречит логике и является слепым подражанием английскому языку. Действительно, разве не кажется странным, когда мы читаем: „Am heutigen Dienstag sticht die „**Wilhelm Pieck**“ wieder in See“; „**Die „Fritz Heckert**“ läuft als erstes Schiff der Welt...““²⁰; „Auch die „**Michail Lomonossow**“ erhöht in jedem Hafen, den sie anläuft...““²¹.

„Die weibliche Benennung von Schiffen: „die Emden“, „die Dresden“, „die Vaterland“, „die Bismartz“ — auch die zwei letzten wurden schon gedruckt und gesprochen! — ist nicht echtdeutsches Gewächs, sondern Nachäffung englischer

¹⁶ В этой же статье названия других кораблей женского рода: „In der Laptjew-See traf der atomgetriebene Riese mit der „**Lewandjewski**“; ...und in der Fahrinne konnte im Kielwasser des „**Lenin**“ die „**Michail Bondik**“ und die „**Angarles**“ folgen“.

¹⁷ „Berliner Zeitung“, 19. März 1961.

¹⁸ „Neues Deutschland“, 21. Dez. 1961.

¹⁹ „Neues Deutschland“, 19. Apr. 1957; 17. Dez. 1961; Kurt Zeisler, *Aufstand in der deutschen Flotte*, B., 1956, S. 41.

²⁰ „Junge Welt“, 2. Juni 1959; 24. März 1961.

²¹ „Armee-Rundschau“, 1959, Okt., S. 442.

Sprachform“,— пишет Э. Энгель в своей книге. „Noch sitzt diese undeutsche und für unser Sprachgefühl grund- und sinnlose Geschlechtsbezeichnung nicht so fest, daß wir sie als geheiligten Sprachgebrauch hinnehmen müßten. Jeder Deutsche hat das Recht, Einspruch gegen solche offenkundige Engländerei zu erheben und zu verlangen, daß den Schiffen ihr natürliches oder aus irgendwelcher vernünftiger Anschauung hergeleitetes Geschlecht gegeben werde... Kein anders Seevolk außer uns Deutschen treibt solche England-äfferei; jedes folgt seinen eignen Sprachgesetzen und schreibt La Patrie, Le Danton, Il Dante“²².

Если мы обратимся к нормативным справочникам немецкого языка, то и там не найдем точного ответа — к какому роду относятся названия кораблей в немецком языке:

Schiffsnamen haben vorwiegend weibliches Geschlecht.

Schiffsnamen nach Ländern und Städten sind immer weiblich. Beispiele: die Rostock, die Bremen, die Deutschland.

Schiffsnamen nach männlichen Personen und nach Flüssen werden gewöhnlich mit dem männlichen Geschlecht gebraucht, können aber auch weiblich sein.

Beispiele: der Stapellauf des Herbert; der Columbus, der (auch: die) Indus, die Gneisenau.

Schiffsnamen nach Tieren entsprechen im allgemeinen dem Geschlecht des Tiernamens.

Beispiele: der Tiger, der Kormoran, der Falke, die Möwe.

Bei **Schiffsnamen nach Sachnamen** steht in der Regel das dem Worte zukommende oder das weibliche Geschlecht.

Beispiele: der Diplomat, der Imperator, die Palme, das Kreuz des Südens, die Vorwärts, die Vaterland²³.

В настоящее время перед названиями кораблей (и самолетов) артикль часто опускается. Это дает возможность избежать расхождения между биологическим полом и грамматическим родом: „Ich fahre mit Bremen (Frankfurt, Vi-

²² E d u a r d E n g e l, Gutes Deutsch. Ein Führer durch falsch und richtig, Leipzig, 1929, SS. 98—99. См. также Th. M a t t i a s, Sprachleben und Sprachschäden, Leipzig, 1921, S. 42.

²³ „Der Große Duden. Wörterbuch und Leitfaden der deutschen Rechtschreibung“. Hrsg. von Horst Klien, Leipzig, 1957, S. 859. (Выделенные слова написаны в орфографическом словаре курсивом). См. также „Sprachpflege“, 1958, Nr. 1, S. 11.

king“)²⁴. Нам кажется, что при переводе с русского на немецкий язык названия кораблей (если перед названием корабля не указан его тип²⁵) следует употреблять без артикля.

²⁴ W. H. A. Koenraads, Studien über sprachökonomische Entwicklung im Deutschen, Amsterdam, 1953, S. 173; Е. А. Крашенинникова, Новое в немецкой грамматике, вып. 1, Учпедгиз, 1960, стр. 40—41.

²⁵ В случае, если указан тип корабля, артикль стоит перед ним и зависит от него, напр.: das Segelschulschiff „Wilhelm Pieck“, der Kreuzer „Aurora“.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редакции	3
I. Вопросы теории и истории перевода	
А. Ш в е й ц е р. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе	5
А. Ф и т е р м а н. Сумароков — переводчик и современная ему критика	12
Е. Г о ф м а н. К истории синхронного перевода	20
II. Проблемы художественного перевода	
Е. Э т к и н д. Из какого материала делаются книги?	27
Я. Р е ц к е р. Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе)	42
В. Р о г о в. В. Брюсов. Неизданные переводы с армянского	64
III. Вопросы лексикографии	
Л. Б а р х у д а р о в. О так называемых кратких словарях	71
IV. Заметки	
Ю. К а т ц е р, А. К у н и н. Перевод причастий с русского языка на английский	77
М. Ц в и л л и н г. Использование немецких относительных прилагательных при переводе с русского	84
И. Б о р о д я н с к и й. Об одной переводческой ошибке	87
В. Ч у в ш е в а. Спецкурс «Грамматические вопросы перевода» на III курсе романо-германского отделения филологического факультета МГУ	92
А. Р у д н и к о в. Quelques suggestions	96
Г. Х а н н а. Illiteracy in the guise of "accuracy"	99
V. Консультация	
О. В е й ц м а н. Вопросы и ответы	103

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Редактор *В. П. Торпакова*
Оформление художника *Б. П. Кузнецова*
Художественный редактор *Л. М. Воронцова*
Технический редактор *М. Г. Чацкая*
Корректор *В. А. Шляпугина*

А01082. Сдано в набор 23/II 1963 г. Подписано в печать 21/VI 1963 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,74.

Уч.-изд. л. 5,46. Тираж 45 000 экз. Зак. 75.

Цена 22 коп.

* * *

Издательство Института международных отношений,
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Полиграфический комбинат Верхне-Волжского совнархоза,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.